

ВЕТЕР МЕЧТЫ

MYSTIC & FICTION

АННА САХНОВСКАЯ

ОДНА
СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Анна Сахновская
Одна среди людей
Серия «Mystic&Fiction. Ветер мечты»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63414772
ISBN 978-5-906827-85-2

Аннотация

Иногда данный свыше дар оборачивается проклятием. Но многое зависит и от самого человека, ведь у него есть право выбирать, каким быть, как воспринимать мир, в черном или белом свете. Или же воспринимать его реальным, во всем его многообразии. Софье было дано бессмертие, она родилась в 1513 году и прожила пятьсот лет, много раз умирала и оживала, но так и не нашла себя, так и не осознала, для чего живет и к чему стремится, так ничего за века жизни и не создала. Даниил, обычный смертный человек, получил возможность видеть переломные моменты в жизни других людей и поначалу возненавидел весь мир, считая окружающих зверями. Но он смог, в отличие от Софьи, преодолеть себя и стать другим, найти свой путь и помочь людям. Кто из них прав? И прав ли вообще? Кто знает...

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	39
Глава 5	56
Глава 6	70
Глава 7	86
Часть 2	100
Глава 1	100
Глава 2	111
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Анна Сахновская

Одна среди людей

Посвящается моему сыну Григорию

*Хватит вести себя так, будто вам осталось
жить пятьсот лет.*

Билл Гейтс

*Мы сами же есть те,
Кем нас пугали в детстве.
И мы же есть тот Свет,
Что порождает мир.
Поэтому за ВСЕ
С тобою мы в ответе —
За дальних звезд сияние,
За бездну черных дыр.
Илья Черт. Оборот кармы*

Анна Сахновская родилась в Москве в 1984 году. По образованию – лингвист-переводчик и менеджер интернет-проектов, по духу – писатель и редактор. Основатель журнала для писателей «MuZa», а также ведущая радиопередачи «Прогулки с писателями» на радио «ЭхоММ».

Сахновская А.

© Анна Сахновская, 2020

© ИД «Городец-Флюид», 2020

Часть 1

Дар

Глава 1

На скоростном лифте мы поднялись на нужный этаж. Мы – те, кто пожертвовал рабочими часами ради пары минут сомнительного удовольствия наблюдать полное солнечное затмение в одном из панорамных ресторанов столицы. На это закрытое мероприятие меня пригласил Леха, а откуда у него взялись приглашения, он распространяться не стал.

Еще вчера я планировал лицезреть столь редкое в наших широтах явление из окон одного элитного бизнесцентра, где вяло текли мои трудовые будни. Но звонок друга с рассказом о закрытом мероприятии, где можно наблюдать затмение через специальные солнечные телескопы... и я согласился на эту авантюру. Другое слово вряд ли можно подобрать – я не из тех, кто будет отпрашиваться с работы днем на пару часов, чтобы посетить дорогой ресторан, прикоснувшись к жизни «богемы». Однако сам факт полного солнечного затмения, что случается над территорией Москвы крайне редко, перевесил внутреннее отторжение самого термина «закрытое мероприятие». Оно ведь для избранных мира сего, для

тех, у кого кошелек толще, чем у большинства, для тех, кто сумел стать проворней в жизни и, возможно, шагал по головам ближних к заветной исключительности...

Только еще в лифте я почувствовал, что лишний на этом празднике жизни.

Леха... тот вел себя как рыба в воде. Маленький, упитанный, юркий – он мог просочиться в любую щель, несмотря на габариты. Я же напротив – высокий, худой, неуклюжий – сторонился даже официанта, который встречал нас перед входом в отдельный лифт, поднимающий гостей в указанный в приглашении ресторан. И мне стоило большого труда не задеть поднос с бокалами у гарсона в руках...

Но вот двери распахнулись, и все, кто ехал в лифте, оказались в просторном вылощенном зале, блиставшем ярче солнца. Здесь пахло деньгами. При беглом взгляде по толпе тех, кто вошел в зал вместе со мной, я понял, что я тут единственная белая ворона. Даже Леха, будучи простым системным администратором, умудрился органично влиться в высшее общество, став частью картины «Довольные жизнью люди в золотой оправе». Все были одеты с иголочки, щеголяли дорогими телефонами и держались более чем приветливо и раскованно. Мое нутро программиста-интроверта требовало немедленно покинуть этот рай избранных, но сознание и, вероятно, ложное чувство приличия заставили отправиться в сторону столиков, хоть и не было у меня дорогого айфона, модного прикида и соответствующего настроения.

– Ваш столик номер двенадцать, – глядя в пригласительный билет, услужливо подсказал администратор. Мы с Лехой без слов проследовали за молодым человеком. Я молчал от зажатости, а Леха от напускной важности.

По всему периметру панорамного окна ресторана с интервалом в несколько метров друг от друга стояли солнечные телескопы. Я видел их впервые в жизни, и Леха, наверное, тоже, но он дернул меня за рукав, прошептав, мол, мы не деревенщины какие, что бросаются на диковинку, поэтому вначале угощение, а потом телескопы. Да я и не хотел к ним подходить – чувство дискомфорта зашкаливало.

До начала затмения оставалось не более получаса. Времени хватило бы только на чай-кофе. К высоким ценам я подготовился заранее, поэтому смог спокойно заказать большой американо – напитки в бесплатный шведский стол не входили и оплачивались отдельно – и с некоторой неловкостью откинулся на спинку мягкого вычурного стула, демонстрируя окружающим, что для меня здесь все привычно.

Между тем, публика прибывала, и далеко не все считали недостойным сразу подходить к телескопам. Наблюдая за тем, как «места разбирают», Леха засуетился.

– Пошли вон туда, займем один из тех, пока не поздно, – и он украдкой указал на стоящий поодаль от нас, у края барной стойки, телескоп.

– Его уже заняли, давай поищем поближе... Люди то под-

ходят, то уходят, на всех хватит, – я пожал плечами, – а то уподобимся деревенщинам, сам говорил...

Я знал Леху давно, со школьной скамьи, и он никогда не уважал чужое мнение. Его стремление доказать собственную правоту в любой ситуации перевешивало все логические доводы. Мы частенько ругались, но не скажу, что всерьез. Так или иначе, побеждала дружба, то ли в силу привычки, то ли нам просто не хотелось ссориться по-настоящему. Часто раздумывая над этим вопросом, я пришел к выводу, что наличие школьного друга создавало психологический комфорт, которого каждый из нас боялся лишиться. Эдакая мужская подушка для слез – человек, которому можно рассказать все, как на духу, и знать, что тебя поймут и дадут совет.

Когда Леха потянул меня к тому самому телескопу, в который уже смотрели «милые дамы», я начал усиленно сопротивляться, уговаривал друга пойти к другому, испытывая ту самую удушающую неловкость, что часто охватывала меня при знакомствах с девушками. Эти же дамы больше походили на светских львиц, готовых в любой момент наброситься на жертву. Я окончательно стушевался.

В какой-то момент даже решил, что совершил ошибку, согласившись посетить подобное мероприятие. Сразу было понятно – подобное общество не для меня. Я ведь совсем из другого круга, не из тех, кто делал карьеру и выставлял напоказ свои ордена – проработал на одном месте без повышения в течение семи лет рядовым программистом – разве

рассказывал бы кто-то об этом в данной обстановке? Я думал, что смогу влиться в ограниченный круг лиц, не пожалевших денег ради двух минут затмения, считал, что подчинюсь стадному чувству и превращусь в плейбоя, буду восхищенно смотреть в телескоп и делиться впечатлениями.

В итоге я попытался просто остаться собой и не идти за другом, который, махнув рукой, бросил меня в гордом одиночестве. Не имея выразительной внешности, Леха стремился во чтобы то ни стало заручиться вниманием девушек, и ему это почти всегда удавалось. Я прекрасно понимал его желание найти себе пару, но чрезмерная эгоистичность порой выводила из себя...

Вскоре я потерял Леху из виду за барной стойкой. Окружающие люди рисовались мне вампирами, и если не пьющими кровь, то уж энергетическими – без сомнения. Будто собрались они здесь на шабаш, а я случайно попал в сети Зла. Кофе показался исключительно невкусным, слишком горьким и вязким. Что они туда подмешали? Друг бросил меня ради новых знакомств с хорошенькими девушками? Обиделся ли он из-за того, что я не пошел с ним? Не знаю, но мне было точно обидно. Скорее всего, мы еще не раз здесь встретимся, а завтра забудем этот случай, как частенько бывало. Мимо меня прошел мужчина в элегантном костюме, обдав терпким ароматом туалетной воды специально для альфа-самцов. По крайней мере я именно таким и представлял себе запах истинных победителей.

Но разве не хотел я быть одним из них? Однако что-то невидимое отдаляло меня от счастливых и богатых, беззаботных и дерзких.

Ах да... Затмение. Судя по времени, оно начнется через пару минут. Я нехотя двинулся к телескопам и оказался прав – их хватало на всех, поэтому то, что казалось толпой, быстро растворилось. Краем глаза, я заметил, как Леха с девушками выходит из ресторана. Удивительно! Он пришел сюда не ради затмения, и они тоже. Что ж... Каждый выбрал свое...

Уже темнело.

Я прижался глазом к тому, что называется окуляром, как впоследствии узнал, и сразу увидел то, ради чего решил сюда прийти. И хоть Луну не удавалось разглядеть в полной мере, я знал, что она именно там, и это она заслоняла Солнце, демонстрируя нам одно из редчайших природных явлений. Да, неудобства, которые я переживал, не шли ни в какое сравнение с красотой на небосводе. Зрелище стоило жертв. Возможно, больше я никогда не увижу ничего подобного, так пусть воспоминания согреют отведенные мне дни.

Люди вокруг разделились на две категории: одни, как и я, замерли, а другие не скрывали эмоций. Но и те, и другие были не в силах передать всю палитру чувств, нахлынувших от внезапно начавшегося действия. По данным интернета, само солнечное затмение должно было длиться всего минуту пятьдесят секунд... Все, что было раньше, отошло на второй

план, даже обида на Леху. Больше я не ощущал взгляда вампиров и вкуса ужасного кофе. Теперь это не имело значения. Полное солнечное затмение приближалось.

Божественное откровение. Диск Луны медленно надвигался на Солнце, пожирая свет. Предчувствие чего-то необычного охватило меня. Странное волнение и томительное ожидание слились воедино. Я застыл в предвкушении чуда, затаив дыхание, боясь вспугнуть Луну, съедавшую Солнце. Но я вовсе не торопил время – наоборот, хотел замедлить его, чтобы насладиться моментом, который не повторится.

Самое прекрасное, что есть на земле – это предвкушение. Что-то должно произойти, что-то невообразимое, чудесное, не поддающееся объяснению. Ты ждешь «момента икс», и когда он наступает, приходит горькое разочарование, что все удивительное так быстро заканчивается. В тот миг мне казалось, что время застыло – так долго Луна наползала на Солнце. Мучительно долго, и оттого еще прекрасней должен стать миг полного затмения.

От Солнца остался лишь тоненький месяц. Еще немного и, быть может, случится одно из самых красивейших явлений природы – брильянтовое кольцо. Последний проблеск светила перед тем, как оно полностью скроется за диском Луны, ярчайший луч, словно последний вздох перед смертью, увенчает светлый обод черного круга.

Я ждал этого мгновения, и оно пришло.

Свет солнечного луча бриллиантом сверкнул в небе, чтобы отразиться от светофильтра телескопа и поразить меня словно световая молния. Почти две минуты затмения длились вечность. Я ощутил необычайный прилив сил, будто луч вдохнул в меня новую сущность... Не знаю, как объяснить, но мне показалось, что окружающий мир едва различимо, неведомым образом, изменился вместе со мной. Люди замороженно говорили эпитетами: «восхитительно... великолепно... потрясающе...» Я ощутил полное умиротворение. Странное состояние облегчения разливалось по телу. Веки потяжелели, и я потерял сознание с первым лучом возродившегося Солнца.

Глава 2

Видел ли я сны? Точно не помню, но что-то мне снилось – странные лица, мелькавшие вокруг, хоровод, костер... Чей-то пристальный, тяжелый взгляд медленно скользил по толпе... Один сон сменялся другим, мне уже мерещилось лицо Ольги. Большие зеленые надменные глаза, блеск для губ, легкий макияж – она смотрела на меня зло, хлопала дверьми и будто по второму кругу воспроизводила сцену нашего расставания. Яд скапливался во взгляде ее когда-то милых, обворожительных глаз, а потом в один миг выплеснулся наружу... Разрыв отношений мне дался тяжело, ведь я не Леха, что кадрит светских львиц – в моей постели редко бывает тепло.

Начиналось все фантастически, как, наверное, бывает у большинства. Мы познакомились в небольшом уютном магазинчике, где она работала продавщицей, а точнее, как позже выяснилось, подрабатывала. Она была аспиранткой и преподавала на кафедре антропологии. Но тогда, при первой встрече, в ней меня поразило буквально все – и грациозная походка, и стройное спортивное тело, и милое улыбчивое лицо с нежным взглядом невероятных кошачьих глаз, обрамленных пушистыми ресницами. Потом выяснилось, что это всего лишь косметические уловки. Но тогда я не замечал этого, словно ослеп, и я сам себе дорисовал портрет, превратив

его в свой идеал.

Примерно через месяц мы переехали в мою «однушку», то есть в отцовскую квартиру, куда меня выселили родители, чтобы я устраивал личную жизнь. Однако у сказки оказался печальный финал. Мы быстро прошли конфетно-цветочный период, добравшись до бытовых ссор и сцен ревности, случившихся из-за моих частых задержек на работе. Представьте себе, Ольга даже копалась в моем мобильном! Неужели так бывает у всех? Но я верил в лучшее, верил, что однажды смогу построить отношения на взаимоуважении и понимании. Как говорит отец – это слагаемые успеха в построении семьи, правда сам он не слишком в них преуспел...

А потом мне стало неуютно в моем сне воспоминаний, и я проснулся.

Ольга осталась в прошлом, но первое, что я увидел, когда открыл глаза, была она, только в странной синей футболке с белыми полосками. «Ольга» что-то тыкала мне в нос, но убедившись, что я очнулся, кому-то одобрительно кивнула. Тут с «Ольги» спала маска, и я увидел раздраженную, блеклую, уставшую женщину, нависшую надо мной, словно Пизанская башня. Резкий запах нашатыря вмиг меня оживил, а после того, как все вокруг подпрыгнуло, я окончательно пришел в себя. Оглядевшись, я понял, что нахожусь в машине скорой помощи и, кажется, меня везут в больницу, особенно разбирая дороги.

В первый раз в жизни я потерял сознание. Мои ощущение

ния? Будто случайно уснул. Ничего не болело, я все помнил. Будем считать, отделался легким испугом. Сквозь трещины краски на окнах в задних дверцах машины бил дневной свет. Прощай, затмение! Похоже, я пропустил самое интересное...

– Остановите машину, пожалуйста, я выйду. – Я повернулся к «Ольге», и наши взгляды встретились. Дальше произошло что-то странное, что не до конца поддавалось логическому объяснению. При взгляде в глаза женщины в синей футболке, у меня появилось странное ощущение, что она вовсе не та, за кого себя выдает...

Вот она закрылась в небольшой комнате, от пола до потолка заставленной стеллажами и шкафами, подошла к одной из полок и быстро закинула в темную сумку бинты, с другой полки взяла одноразовые шприцы, а моющее средство для операционных прихватила из шкафчика в углу. В спешке женщина как бы украдкой повернула ключ в замке, приоткрыла дверь и чуть высунулась в коридор, будто проверяя, нет ли кого-то поблизости.

– Что? – подозрительно переспросила она. – Нельзя... Не положено. В больнице напишите заявление, что отказываетесь от нашей помощи, и уйдете. Но вначале мы обязаны вас обследовать... Почему вы так на меня смотрите? Вам плохо? – она защелкала пальцами, чтобы понять, насколько я вменяем. Я не реагировал. Поток «видений» не иссякал:

«Медсестра» одна в комнате, похожей на кабинет вра-

ча в поликлинике – кушетка, на столе печати и молоточек невропатолога, а в углу раковина... Женщина сидела за столом, заполняя форму рецепта, перед ней открыта прямоугольная книжка, наверняка медицинская карта. Потом она быстро спрятала рецепт в карман белого халата, а карту сунула под мышку и вышла из кабинета. На следующей картинке медсестра передала этот рецепт, я был уверен, что это он – тот самый рецепт, видимо знакомой. Они стояли в метре в центре зала, болтали, а потом знакомая дала медсестре деньги...

Я отвернулся. Аллергия на взяточничество, казнокрадство и ложь у меня в крови. Многие бывшие одноклассники уже в старших классах при необходимости покупали больничный, а я никогда.

– ...слышите меня? – противный голос медсестры заставил встрепенуться врача, который сидел где-то позади.

– Что случилось? – тревожный тенор сзади почти оглушил.

– Ничего, – выдавил я. – Просто хочу уйти. – Я приподнялся на локтях чувствуя, что смогу легко встать.

– Лежите. Для вашего же блага, вам пока лучше не подниматься, – врач говорил чуть ли не угрожая. Я не видел его лица, но что-то заставило оглянуться. Молниеносная встреча взглядов породила тот же эффект, что в случае с медсестрой.

Врач больше всего напоминал добродушного с виду ма-

ньяка. Этакий типчик в больших очках, с усами, улыбающийся, с залысинами и неременной газеткой в руках. В метро таких полным-полно. Его взволнованное лицо показалось мне даже знакомым. Но за теплотой карих глаз, отчасти скрытых стеклами очков, затаился неврастеник и псих. Моя необъяснимая фантазия нарисовала отвратительные картины;

Вот он в припадке бешенства наотмашь ударил жену, потом я увидел, как он бьет об пол и стены дорогой хрусталь...

А следующая картина оказалась еще хуже предыдущих:

По вине милого врача пациенту стало хуже. Я «увидел» сбежавшихся коллег, беднягу куда-то быстро покатали, а мой врач в растерянности побегал за всеми.

Зажмурившись, я отвернулся... Зря это я. И без того выглядел нездорово. Врач поспешно нагнулся надо мной. Решил поправить мое здоровье? Наигранное все это, разве нет? Стоп! Ведь это только мои фантазии – мысли, ломающиеся в узкую дверь сознания после пробуждения от внезапного сна, не более того. Мало ли что происходит с людьми после обморока? Переволновался во время затмения, неожиданно для себя очнулся в «скорой» – такое заранее не предугадаешь. Поэтому относиться к сюрпризам организма надо с пониманием – оправлюсь от шока, и фантазии исчезнут... Но я же никогда не общался с медработниками, откуда же у меня столь обширные познания в процедуре выписки рецептов?

Да и в больнице я ни разу не был, а фантазия с умирающим пациентом была такая четкая, яркая, словно проблески солнечных лучей после затмения. Что, черт возьми, происходит в моей голове?! Легкая дрожь пробежала по телу. Стало страшно и неудобно. Но нужно было что-то сказать, объяснить.

– Солнце слепит. Слишком светло после затмения... А так все в порядке.

Врач померил мне давление, пульс, попросил сделать несколько несложных движений и... успокоился. Он делал все машинально, словно опасаясь, дабы чего со мной не случилось, пока я нахожусь под его опекой. В какой-то миг мне показалось, что я манекен, кукла, с которой играют. Пустые, ничего не говорящие глаза врача осматривали меня, сверлили взглядом и в то же время смотрели насквозь, в никуда. Я прочел в этом взгляде *ложь, зависть, чревоугодие, подлость*.

«Фантазии не прекращаются», – ужаснулся я. Между мной и окружающим миром росла непреодолимая стена. Необходимо было избавиться от неожиданных наваждений, стать опять как раньше – «пустым бамбуком», легким, чуть печальным, обычным, самым обычным человеком без диковинных фантазий. Сразу вспомнилась одна из психологических техник, о которой я когда-то прочел в популярном издании. Стоит только спросить себя «какая следующая мысль», и ты уже думаешь о чем-то другом, и спрашиваешь

до тех пор, пока мысли совсем не исчезнут. «Какая следующая мысль?» – и я оказался далеко от пугающего настоящего, где мне мерещилась то нечистая на руку медсестра, то неуравновешенный и непрофессиональный врач. Я прокручивал в голове разные сценки из прошлого.

Вот мы с Лехой вместе пишем контрольную по химии. Он, склонный больше к гуманитарным дисциплинам, да еще к тому же лентяй, пытается списать у девочки, сидящей сзади. Ко мне не пристаёт, потому что у нас разные варианты. Учитель делает замечание. Еще один такой «знак внимания», и Леха пойдет прохладиться за дверь. Теперь он начинает требовать меня и спрашивать, как решить задачу. Не знаю почему, но я помогаю ему. Учитель замечает, что мы перешептываемся, выходит из себя, забирает работы и ставит нам обоим «двойки». Я почти до конца решил свой вариант и мог бы рассчитывать на «четверку». В классе тихо – все заняты решением, и только Леха едва сдерживает смех. Тогда я не понял по глупости и неопытности, почему он так себя вел, а теперь, лежа в трясущейся «скорой», осознал. Так ведь он надо мной смеялся. Мерзко, гадко и подло подставил. Скорее всего, из зависти. Ему-то нечего было терять – и так «тройка» с натягом в четверти светила, а я шел на «пятерку». А еще Леха знал, что я не смогу отказать в помощи и нас, возможно, накажут вместе. «Как можно дружить с таким человеком?» – чувство жалости к самому себе переполняло...

Кажется, мы доехали до больницы.

В приемном отделении была очередь. Но меня провели в отдельную палату, посадили на кушетку. За окном всюду светило солнце, будто затмения никогда и не было. Сотовый молчал. Я не стал менять своего решения и отказался от медпомощи. В глаза больше старался никому не смотреть, хотя было нелегко. Пялился в пол. Что-то еще промелькнуло в голове, когда ненароком посмотрел на врача, дававшего мне бланк заявления на подпись. Что я узнал об этой женщине за мгновение? Ничего шокирующего.

Просто женщина спустя рукава относилась к своей работе, хотя и трудилась в приемном отделении. Я «увидел» большую очередь из сидящих в коридоре больницы, и эту женщину, не спеша идущую на перекур, треплющуюся на улице с коллегами...

«Почему она не выкладывается на все сто? – задумался я, покидая больницу. – Маленькая зарплата, нелюбовь к профессии, нелюбовь к людям...» Вот, что тогда приходило в голову. Еще не кончилась смена, а она уже думала, как бы скорее отправиться домой. А как же люди, которым действительно плохо? Ведь она их единственная надежда в этом беспросветном мире, успевшем сузиться для несчастных до палаты в приемном покое. Мне стало искренне жаль всех, кто сидел в очереди и ждал. Им помогут, конечно, но все не так, как они этого заслуживают. Но заслуживают ли они помощи? Ведь я не посмотрел ни одному из них в глаза, не заглянул им в душу. Возможно, за их зрачками скры-

ваются еще более тяжкие проступки, и эта врачиха покажется ангелом по сравнению с ними. Я невольно содрогнулся от того, что в какой-то миг и сам поверил в правдивость этих «фантазий». Чем сильнее пытался прогнать навязчивые мысли о греховности окружающих, тем сильнее они преследовали меня. Проверенный способ отвлечься уже не срабатывал. «Какая следующая мысль?» «Я схожу с ума», «все люди – грешники, и это правда», «в каждом взгляде по десятку грешков», «как общаться теперь с людьми?», «а каков я сам, если взглянуть на меня со стороны?», «а фантазии-то выглядят правдиво»...

Оказавшись в метро, я опустил глаза. Шел и смотрел под ноги. Но краем глаза замечал, как люди вокруг медленно превращались в зверей. Я был словно в зоопарке. Звери свободно разгуливали по дорожкам, покупали мороженое и сладкую вату, смеялись, беззаботно болтали, строили планы – в общем, жили обычной звериной жизнью. А в качестве диковинки выставлялся только один экзотический зверь, которому и название еще не придумали. И этим зверем был я. Только внимания он не привлекал, потому что умело маскировался.

Метро рисовалось адом, из которого я наконец-то выбрался на поверхность, но и здесь то там, то тут попадались безликие людишки, порождения низменных тварей из преисподней, норовившие заглянуть мне в глаза. Фантазия подкинула мне массу сюрпризов, но я не мог понять одного –

что было до солнечного затмения, иллюзия или настоящая жизнь? Меня мотало от подворотни к подворотне. Как я добрался от метро до дома, не помню. Только асфальт, ноги, каблуки, ботинки, лужи после утреннего ливня, и я, увиливающий от всех, даже от кошек. Наконец-то спасительный пустой подъезд, громыхающий лифт и неприветливая грязная «однушка».

Впервые за последние часа четыре я смог свободно и спокойно вздохнуть. Скинул ботинки, пропотевшую рубашку и расслабился...

Какое-то время я просто сидел, смотрел в никуда и хотел, чтобы это продолжалось как можно дольше. Чтобы не было завтра работы, где наверняка придется смотреть в глаза и, возможно, рассказывать про закрытое мероприятие. А если придется поработать, то пусть не будет никаких новых видений и фантазий. Мечтал, чтобы все это осталось в сегодняшнем, до боли жутком дне...

Неожиданно пришло СМС от мамы:

Как там затмение?

Ах да, затмение. Я успел позабыть о нем. Вот она тленность всего сущего – все проходит, все изменчиво. Еще вчера меня так волновало затмение, так будоражило предстоящее знакомство с солнечным телескопом, а теперь... Интересно, что там скрывается за мамиными зрачками? Мысль резанула ножом – ведь и мама не без греха, и она что-то не рассказывает даже мне и отцу... И так каждый, без исключе-

ния, хранит свои секреты в шкафу, чахнет, лелея низменные желания, пряча порочные мысли в самых дальних уголках мелкой звериной душонки...

Я включил погромче музыку и отправился в душ. Струи воды, успокаивая, обволокли тело.

Леха так и не позвонил. Я ему тоже.

Таблетка снотворного... и я забылся крепким сном...

Глава 3

ой трудовой день начинался всегда одинаково. Не стану описывать утренний туалет. Да и после сценарий был банальным – я садился в машину и на автопилоте добирался до работы. Дорогу я знал с закрытыми глазами – все объездные пути по дворам на случай пробок, помнил, где стоит ГАИ, где висят камеры. Одним словом, я мог бы стать лучшим специалистом на этом маршруте, если бы возникла необходимость. Только тем утром все пошло не так...

Прошлый день запомнился затмением, которое я так толком и не увидел... и обмороком. К утру мысли о порочности других людей и о способе, которым мне удалось познать их суть, отошли не то что на второй, а на третий план, превратившись в туманные воспоминания. Мимолетный взгляд в глаза – и вся подноготная их обладателя у меня в голове. Это же фантастика! Я словно читал книжку с картинками, где каждая история правдива, а картинки больше похожи на фотографии, вырванные из жизни человека. *Вот врач бьет жену, вот медсестра крадет моеющее средство для операций. А вот...*

Обычно, заходя в ванную, я долго смотрю на свое отражение, изучаю собственное лицо, глаза. Потом бреюсь, радуясь началу нового дня. И радость моя всегда искренняя от уверенности, что меня ждет. Пусть жизнь не сулила мне

головокружительных приключений и несметных сокровищ, осознание наличия прочного фундамента, на котором покоилась моя жизнь – жизнь среднего гражданина, грело душу.

В этот день все было как всегда, пока я не взглянул в глаза своему отражению...

Ослепительная пустота. словно боль, пронзающая тело насквозь, словно пелена, заставшая глаза, пустота обволокла сознание. От неожиданности я вскрикнул и вмиг вылетел из ванной. Еще одно затмение? Белый, яркий луч ослепил на несколько секунд, в точности как последние лучи солнца, переломленные стеклами телескопа перед кульминацией действия. Только теперь зрение сразу вернулось. Что это было? Я украдкой заглянул в ванную, ненароком покосился на зеркало. Вспышка повторилась. Я инстинктивно отпрянул, укрывшись в коридоре. Вереница воспоминаний о вчерашних событиях всплыла в памяти...

Но в моем отражении не было ничего из того, что довелось увидеть, встретившись взглядами с медработниками. Ничего! Странно, что «видения» не появились вовсе, но еще более странно, что я даже не смог придумать, какие картинки могли бы всплыть из глубин памяти. Следуя логике, взглянув на собственное отражение, я должен был бы увидеть свои проступки, совершенные в прошлом, возможно совершенные осознанно, возможно и нет, может быть уже забытые, но запечатленные в глубинах памяти. Слово «грехи» пришло мне на ум, заставив поежиться, но именно их я и «увидел»...

И вдруг ощущение необычного ушло, уступив место удивлению, в свою очередь породившему восхищение и недоумение. Пусть это невероятно, однако, за свою недолгую жизнь я никому не сделал ничего дурного. Не изменял, не воровал, не лгал по-крупному, не завидовал, не предавал, не убивал, не насиловал. Я жил обычной, самой серой жизнью офисного планктона, среднестатистического гражданина, чья биография умещается в нескольких словах: родился, учился, женился, работал, вышел на пенсию, умер...

Я замер, затаив дыхание, пытаюсь откопать в памяти хоть что-то, способное очернить меня. А там оказалось пусто. Я всегда помогал родителям, не обижал девчонок в классе, был отличным другом, не подлизывался на работе, всегда готов был остаться и работать сверхурочно даже без доплаты, потому что чувство долга перевешивало.

Робкая улыбка тихого восхищения родилась сама собой. Вот это да! Как такое возможно?! Но времени на раздумья почти не оставалось. Пора собираться на работу.

За сборами я даже не заметил, как страх вновь закрался в мою душу, войдя не постучавшись. От одной мысли о том, *что* можно увидеть в глазах коллег, я застыл, окаменев. И тогда я, пообещав самому себе не смотреть никому в глаза, завел мотор автомобиля.

Автопилот действительно выручал. Внимание сосредоточилось вовсе не на дороге, а на мыслях о том, что со мной происходит. Безусловно, до вчерашнего обморока ничего

подобного я не испытывал и даже не подозревал, что подобное возможно. Наверняка сверхъестественные способности есть у некоторых людей, но вот чтобы после затмения человек упал в обморок, а потом начал видеть людские грехи – о таком я не слышал ни разу. А ведь затмения были по всему миру, не только в Москве.

Я остановился у обочины и, достав планшет, занялся поиском. Ничего похожего на мой случай не нашлось даже на «эзотерических» сайтах. Переключился на английский интернет. Торичеллиева пустота. Странно, неужели я один такой? От волнения ладони вспотели, и на пластике остались капельки пота. Ладно. Посмотрим, повторится ли все на работе. Возможно, у меня галлюцинации, а это серьезный симптом. Да и как определить, болен ли я или нет? Сердце учащенно забилося, по телу пробежала дрожь.

Переборов волнение, я поехал дальше. Сосредоточиться на дороге не получалось, даже дистанцию держал с трудом. Пару раз пришлось резко тормозить, чтобы не въехать в зад впереди идущей машины. Цвета светофоров мигали, и зеленый с красным сливались в одно горящее пятно, почти радугу, может там горел и желтый. Я старался ехать с потоком и делать все возможное, чтобы не оказаться в первом ряду перед светофором. В тот момент мне хотелось лишь покоя. Минут через десять рябь в глазах поутихла, и светофоры вновь обрели прежний вид, вернув цвета на свои привычные места. По мере приближения к офису дрожь усилива-

лась. Казалось, еще чуть-чуть, и я непременно слечу с катушек. Не в силах больше терпеть, я притормозил у аптеки. Конечно, без рецепта ничего сильнодействующего не продают. Купил какую-то химию по совету продавца, глотнул из пузырька...

Никогда еще дорога до работы так меня не выматывала... Сильно сдавливало виски, живот превратился в одну воспаленную мышцу, а чувство голода, которое должно было бы проснуться из-за отсутствия завтрака, так и не появилось... Я ехал и не знал, что мне делать дальше. Неопределенность и незнание будущего пугали, уводя в бездну страха. Если у вас что-то болит, вы идете ко врачу и устраняете проблему, а если у вас видения, куда идти, чтобы не прослыть умалишенным?

Однако больше всего меня угнетала собственная внутренняя пустота, в существовании которой я убеждался всякий раз, когда встречался взглядом со своим отражением в зеркале заднего вида. И если поначалу казалось, что мои ощущения по сути субъективны, то теперь они стали реальностью, от которой невозможно скрыться. Осознание того, что я безгрешен, ставило в тупик. Не монах я, не святой, да и есть ли вообще безгрешные люди даже среди служителей церкви? Однако факты говорили сами за себя... Я не видел своих грехов и не мог ничего вспомнить.

На миг я задумался «а что есть грех?». Я не религиозен, чтобы мыслить такими категориями. Но само слово казалось

столь распространенным, что первым пришло на ум... Так что же я в действительности видел? Что-то низкое, порочное, греховное... От слова «грех» я не мог отделаться, хотя осознавал, что реальное его значение немного иное. Только вот прилипло оно ко мне и звучало более возвышенно, чем какой-нибудь «порок».

В жизни я не сделал никому ничего дурного. Сам себе казался наивней и проще, чем большинство тех, кто меня окружал. Или я – зверь в клетке, который умело маскировался?.. А ноги сами собой несли меня уже по корпоративной парковке, по холлу бизнес-центра, напрямик в лифт. Я механически нажал кнопку нужного этажа, а когда лифт, прибыв на место, остановился, поспешил в офис, распахнул дверь и оказался на пороге огромного зала, одна из стен которого была прозрачной. Отсюда открывался потрясающий вид на Москву. Я пробрался к своему рабочему месту – перегородки превратили зал в настоящий лабиринт, где можно было играть в прятки. Времени без пяти девять. Не опоздал. Кто был вокруг, сколько их, где они шатались и что делали во вне рабочее время, меня мало волновало.

Хоть бы никто не пристал, хоть бы никто не сказал «привет».

– Даниил, приветствую! – знакомый голос начальника Сергея заставил вздрогнуть. Его странная манера говорить «приветствую» действовала на нервы. Никто так не говорил, только он и только своим подчиненным. Другие руководи-

тели были менее официозны, всегда излучали радушие, скорее напускное. А Сергей, говоря обычное «приветствую», не стеснялся разделять простых программистов, коим являлся я, ведущих разработчиков и коллег, занимающих должность руководителей. Чем выше должность коллеги, тем меньше дистанция, чем ниже – тем дистанция больше. Я боялся даже представить себе, как он общается с уборщицей или секретарем. Снисходительная улыбка, обращенная куда-то мимо собеседника – должно быть, так он приветствовал тех, кто занимал самое низкое положение в компании.

Наступив себе на горло, я повернулся к Сергею...

Начальника я своего знал плохо. Чуть шепелявый голос, сверкающие глаза – все в нем отталкивало, от его манер бросало в дрожь. Поворачиваясь к нему, иначе я не мог поступить, я не хотел встречаться с ним взглядом, боялся узнать правду о человеке, который и так вводил меня в ступор.

И все же я повернулся, натянуто улыбаясь, и пожал протянутую руку своей влажной от волнения ладонью. Наши взгляды встретились. Теперь у меня не осталось никаких сомнений: либо у меня появился сверхъестественный дар, либо меня преследуют галлюцинации.

Я увидел Сергея совсем другим...

Молодой парень без бороды, с густой копной волос работал в одном из загнивающих НИИ, получал грошовую зарплату и подумывал о переезде за рубеж, скорее всего в какую-нибудь страну развитого капитализма, где готовы бы-

ли щедро платить за его мозги. Вот Сергей один в кабинете. Поздний вечер. Компьютеры тогда были не в пример современным, но дискетами уже пользовались. Скопировав на дискету какие-то данные, часть из них распечатав, он, боязливо оглядываясь по сторонам, почти не дыша, спрятал дискету в пачку бумаги, а ту, аккуратно свернув вдвое так, чтобы не погнуть дискету, засунул сзади за пояс.

Следующая сцена: происходил обмен данных на конверт с деньгами. Кому Сергей продал секретные разработки? Вряд ли это имеет значение. Ясно одно – мечта уехать на Запад в качестве интеллектуальной единицы не исполнилась. Что из этого было реальностью, что моими домыслами, я не мог разобрать, но картинки одна за другой быстро пронеслись перед глазами. Только вот проанализировать эти «фантазии» времени не было.

Повторив искусственную улыбку, я выдавил дежурное:
– Доброе утро.

Ах, если б оно было добрым!

Я перевел взгляд на переносицу Сергея, чтобы больше не отвлекаться на «видения», и волна облегчения накрыла меня с головой.

– Хорошо себя чувствуешь? – Сергей подозрительно посмотрел на меня. Неужели выгляжу настолько плачевно?

– Да, все в порядке.

– Тогда за дело... – он хлопнул меня по плечу и отвернулся.

Кто-то издалека крикнул: «Привет», я, не глядя, махнул рукой и шлепнулся на рабочее место.

В тот день я работал не покладая рук. Чтобы в голову не лезли всякие мысли, я старался не отвлекаться. Быстро справился с дневным планом и приступил к решению задач, с которыми предстояло разобраться только завтра. Невероятно. Моя работоспособность повысилась раза в три или больше. Раньше я, бывало, часами сидел в социальных сетях, просто лазил по интернету, то есть давал слабину. Болтал с коллегами, иногда позволял себе долго обедать. Возможно, именно в этом кроется причина моих карьерных неудач. По возрасту, по опыту и знаниям мне подходила должность ведущего разработчика, но на обед меня сопровождали такие же пацаны, что и в начале карьеры. Они менялись, лишь я оставался неизменным.

В этот раз на обед я не пошел, а решал задачу за задачей. Ведущий программист Юра, который должен проверять мой код, присылал смайлики удивления в корпоративный чат и фразы вроде «затмение тебя затмило», «затмение рулит», не подозревая, что попадает в яблочко. Я отшучивался. А что еще оставалось делать?

Наушники спасли от неприятных расспросов и приглашений на обед. Отключиться от офисной жизни оказалось не так сложно, как я предполагал.

– Даня, ты сегодня в ударе! – не выдержав, воскликнул Юра. – Решил следующую неделю ничего не делать?

– Вовсе нет, – не поворачивая головы, ответил я, – просто сегодня так расположились звезды!

– А вот расположение моих звезд подсказывает, что сегодня я не успею проверить все, что ты сделал, но я еду в сторону твоего дома и собираюсь уже уходить. Ты же давно хотел поставить машину в корпоративный гараж на починку? Могу подвезти сегодня вечером и завтра тоже. Как тебе идея?

Последняя фраза кольнула в сердце. Я и забыл про незначительный шум в ходовой части, хотя хотел разобраться с ним еще вчера утром. Правда, сегодня я даже не обратил на него внимания. Но у компании был контракт с автосервисом, который чинил машины сотрудников со скидкой, а мастерская располагалась в подвальном помещении бизнес-центра. Что ж... Юра вроде неплохой парень – мы с ним ровесники, есть общие темы для разговора за обедом, и порой мы даже вели шутливую переписку в чате. Пока впечатление о нем у меня было положительное. Больше всего в Юре удивляло умение говорить первое, что приходит в голову, порой нести суший бред, но при этом оставаться интересным собеседником. Я не хотел разочаровываться в нем. Иногда мне казалось, что он единственный адекватный человек во всей компании – без тараканов в голове, странных хобби, понтов, высокомерия и всего того, что присуще молодым людям, достигшим пусть минимального, но карьерного роста. Но что случится, если посмотреть ему в глаза? Даже не хотелось об этом думать. От этой мысли страх пронизал само мое суще-

ство. Отказать Юре означало ехать в метро в самый час пик. Воспоминания о последней поездке были еще свежи, и повторять этот опыт совсем не хотелось.

Юрина компания могла успокоить меня, помочь выкинуть страшные мысли из головы. Пусть даже он тысячу раз изменник, лжец и притворщик... Я находился на пределе, и мне срочно требовалась подзарядка батарей.

Долгих раздумий удалось избежать, и вот мы вместе уже спускались в лифте.

При контакте с человеком так или иначе приходится на него смотреть. Я смотрел на Юру так, чтобы не заглянуть в глаза, а большей частью пялился в пол или рассматривал блестящие стены лифта. Надеюсь, он не обиделся. Юра трещал про какие-то забавные мини-холодильники с USB-питанием, наручные часы, которые измеряют пульс и фазы сна, а вместо будильника используют вибрацию, и еще про какие-то гаджеты...

Его болтовня была настолько пустой, что мне пришла в голову странная мысль. Может, «пустым» был вовсе не я, а все, что меня окружает? Я занес ключи от машины в офис техцентра на первом этаже, и мы с Юрой отправились на парковку к его автомобилю. Зачем он предложил меня подвезти? Считает меня другом?

Скорее нет, все дело в том, что Юра любит, когда слушают его болтовню. Он из тех людей, которым совершенно не важно, что говоришь ты и говоришь ли вообще. Главное –

он и его эго, которое кормится тем, что собеседник не может прервать его изложение «глубоких мыслей».

Юра не умолкал. После рассказа о забавных устройствах начался монолог о футболе. Боже, как я не люблю футбол!..

Нет, Юра, я ни за кого не болею, ни в футболе, ни в хоккее...

Нет, я не хожу на стадионы и не заряжаюсь пивом у телевизора...

Нет, нет, нет!..

От сильного раздражения я не удержался и посмотрел ему в глаза.

Видения не заставили себя ждать.

Я «увидел» Юру серьезным, сидящим в большом кожаном кресле, и узнал кабинет Сергея. На столе лежали распечатки – таблицы, графики и имена программистов в столбик. Обсуждали, кому сколько заплатить новогодних бонусов. Юра очень щепетильно рассказывал про свою группу, в которую входил и я. Кончик авторучки в его руке двигался по списку от одной фамилии к другой и наконец застыл на строчке с моим именем. Рядом Юра нарисовал стрелку вниз, обвел мою фамилию в кружок.

Сергей возразил. Юра продолжал упорно что-то доказывать, мотал отрицательно головой, видно волновался и чувствовал себя неудобно. Сергей одарил Юру надменной улыбкой. Кажется, они пришли к единому мнению... Но в чем? Почему они так долго обсуждали именно меня? Неужели я

так плохо работаю? Или, наоборот, мне поставили самый большой бонус из всех программистов?

И тут я вспомнил, что вижу только низкие поступки людей, а значит, в этой ситуации есть червоточина, исходящая от Юры. Он специально занизил и, возможно, продолжает занижать мои достижения. Испугался конкуренции, а Сергея это позабавило?

Видения испарились, и тут Юра как бы между прочим спросил:

– Кстати, что с тобой вчера случилось? Ты сегодня работал как проклятый, даже на обед не пошел. Откуда столько энергии? – его вопрос мог бы показаться вполне безобидным, если бы не видения.

На душе стало очень паршиво. Об меня вытирали ноги, меня задвигали, мешали карьерному росту и пытались узнать планы на будущее. За личиной своего парня в доску скрывался подлый зверек – маленький, изворотливый, готовый укусить во сне и высосать всю кровь, а потом выбросить тело на обочину, злобно хохоча.

– Я уже ответил – так сошлись звезды, – моя кривая выведенная улыбка ему явно не понравилась.

– Звезды, говоришь... – Юра помрачнел. – Здорово! Вот бы мне так подфартило!

Мы больше не разговаривали. Юра включил радио и о чем-то глубоко задумался.

Дома я быстро приготовил пачку пельменей и расправил-

ся с ней, звякнул родичам, чтобы сообщить, что «все о'кей», а потом погрузился в тревожный сон.

Глава 4

Утро встретило ярким солнцем. И ведь кто-то ему улыбнется, будет радоваться новому дню, такому predetermined-ному и предсказуемому. Так когда-то радовался и я. Зыбкость настоящего по сравнению с утраченным надежным ходом жизни, казалось, будет длиться вечно. Из-за этого я чувствовал себя словно в клетке. Вспомнилась сразу и пустота – большое *Ничто, выкроенное* из того самого прочного, обыденного прошлого... Жизнь четко разделилась на до и после. Но внешне будто ничего не изменилось.

Опять вставать, умываться, бриться, завтракать, опять притворяться таким же как все.

Взглянув на свое отражение, я вновь испытал странное ощущение. Слово на мгновение полыхнула вспышка. Только на этот раз я не выскочил из ванной и не ужаснулся увиденному. Даже не испугался, а принял как должное. И еще в тот миг в голову пришла мысль, странная, возможно с оттенком нарциссизма, коим я никогда не обладал. Наоборот, страдал из-за того, что

«Чистый белый свет внутри, а не пустота... – меж тем мысли неслись по кругу. – Неужели я действительно безгрешен? Я правда лучше и достойней всех остальных?..»

Я был напряжен и чувствовал, что не выспался. Но ведь это мелочи по сравнению с тем, какая правда открывалась

мне с каждым взглядом...

– Ага, – Юра хихикнул. – Значит, с работы пораньше уйдешь?

– Нет. Работа – это святое. Буду пахать, как вчера. Без обеда.

Юра слегка напрягся, я заметил это боковым зрением.

– Обедать надо обязательно. Работа не волк, а обед по расписанию. Здоровье можно подорвать, язву заработать...

– Ты же вроде начальник группы, а отговариваешь меня работать. Нехорошо... – я улыбнулся, бросил взгляд в его сторону. Но Юра сделал вид, что сосредоточен на дороге. Обдумывал, что ответить.

– Ты меня неправильно понял, – наконец снова замямлил он. – Интенсивность работы, оно, конечно, да... Но охрана труда! С меня ведь спросят. Так что мой долг тебя предупредить, что работа без обеда может подорвать здоровье.

– Все о своей шкуре печешься, но... Спасибо за предупреждение, – я не ожидал, что он воспримет все так серьезно. Значит, я правильно истолковал его поведение в кабинете Сергея.

Юра, казалось, о чем-то задумался, но не прошло и десяти минут, как полилась привычная трескотня о том, что вчера приготовила его жена на ужин, во что он играл с детьми, что смотрел по телевизору перед сном... принижал свои достоинства, но тут у меня родилась мысль такая удивительная, чистая, что сильно захотелось в нее поверить. *Внутри меня*

вовсе не пустота, а свет, только белый свет. На протяжении всей жизни я считал себя самым обычным, неприметным человеком, так может быть, вот он, миг моего прозрения? И не такой уж я обычный, и вовсе не среднестатистический... Но почему это происходит именно со мной? Неужто потому, что я не ворую казенного или корпоративного имущества, а выкладываюсь на сто процентов на работе? Нет-нет, должно быть, потому что я никогда не изменяю, не лгу, не продаю свои разработки конкурентам, не очерняю коллег в кабинете у начальства?.. Я усмехнулся, но грустно, чуть не плача.

Юра обещал заехать за мной ровно в восемь. И так, бой под названием жизнь начинался.

Сегодня я назло всем надел модную рубашку, нацепил бабочку, зализал волосы и не стал бриться. Легкая щетина придавала определенный шарм. Так я нравился себе больше всего.

Рабочий план будет таким же насыщенным, как вчера. Завершение каждой новой задачи буду сопровождать электронным письмом Юре, чтобы тот работал. А если он не сможет выдержать мой ритм, на что я рассчитывал, то справедливость восторжествует, и начальство наконец-то задумается над тем, кто здесь действительно работает, а кто занимает свою должность не по делу.

Юра оказался точен как куранты. Без пяти восемь я заметил его машину перед подъездом и поспешил на улицу.

– У тебя свидание сегодня? – он не скрывал удивления, когда увидел меня.

– Все может быть, – я загадочно улыбнулся.

А вот и наш бизнес-центр, Юра припарковался.

Едва мы поднялись на свой этаж, как нас тут же окликнул женский голос, приглашая на кухню испить чая с тортом перед началом рабочего дня.

– По какому случаю торжество? – осведомился Юра.

– Мальчики, вы почту читаете? У Марины сегодня отвальная, – объявил знакомый женский голос. Но в сторону говорившей я посмотреть побоялся.

Марина... долгожитель компании, олицетворение успеха, наглядный пример того, как можно из секретаря вырасти в главу отдела маркетинга. Она пришла в компанию лет десять назад и, судя по фотографиям, была в те годы худенькой прыщавой девочкой прямо с институтской скамьи. Работала секретарем Марина не долго – компания росла, и руководство больше доверяло проверенным людям. В какой-то момент ей предложили примерить на себя роль копирайтера и одновременно поддерживать сайт компании. Марина занялась новым для себя делом с энтузиазмом и вскоре стала набирать помощников, так как сама не справлялась с объемом работ. Мало-помалу отдел перерос в полноценную маркетинговую ячейку, и Марина была ее неизменным руководителем. Вот почему мне странно слышать, что сегодня она – человек, сделавший карьеру в этих стенах – увольняется.

Глядя на Марину, я всегда завидовал неуемной энергии, которой обладала эта женщина. Да, за время работы в компании она повзрослела, обзавелась мужем, которого почему-то скрывала, слегка располнела, но осталась очаровательной. Откуда в человеке столько эмоций, жажды работать, и работать на совесть, а не спустя рукава? Должность руководителя, конечно, обязывает, но все же... Подчиненные ее любили, и отдел

маркетинга был самым дружным и сплоченным. Они всегда устраивали вечеринки, походы, выезды, шашлыки, организовывали прогулки на велосипедах. Там любили отдыхать так же, как и любили работать. Но генератором всех идей была Марина...

Несмотря на то что мы с Мариной такие разные и по темпераменту, и по должности, мы смогли подружиться, если слово «дружба» вообще уместно между мужчиной и женщиной, да еще и на работе. Нас объединяли воспоминания о старом маленьком офисе и прежних действительно уютных корпоративах, не в пример нынешним. Марина часто звала на тусовки с маркетологами, но я всегда отказывался... чувствовал себя лишним... И вот теперь я терял чуть ли не единственного друга в компании.

– Ничего себе, – мне не удалось удержаться. – Вот это новость! – Забывшись, я повернулся к девушке, приглашавшей нас на кухню, и неожиданно для себя встретился с ней взглядом.

Оказывается, новость сообщила Катя, наш юрист. В компании она прославилась паталогической веселостью и плоскими шутками, над которыми сама и смеялась. Выглядела она привлекательной, и допускаю, что разбила и пленила не одно мужское сердце. Эдакая разумная кукла, которая привлекает разве что размерами груди и тем, что не грузит проблемами, потому что настоящих проблем у нее нет. Но вот что мне открылось:

Катя рассталась с каким-то парнем и долго плакала в одиночестве...

Но не это удивило. В прошлом беззаботной дурочки тайлось нечто пугающее.

Кате на вид лет тогда было пятнадцать-шестнадцать – еще школьница. Она в компании с еще тремя подростками стояла за углом гаража. Все были возбуждены и чего-то ждали. Внезапно появилась еще одна девочка, и вся дружеская компания, включая Катю, навалилась на эту несчастную. Они начали бить ее рюкзаками и ногами, выкрикивая оскорбления и насмешки. Девочка, наверняка их одноклассница, пыталась увернуться и защищала голову руками, поджимая ноги к коленям. Смесь плача и криков от боли отдалась в ушах, и, чтобы остановить страшную картинку, я быстро отвел глаза. Интересно, почему Катя стала юристом?

– Да, еще какая новость! – воскликнула Катя, не заметив моего удивленного взгляда.

– Ну, раз такое дело, можно и по тортику! – Юра потер в

предвкушении руки и направился на кухню за Катей. Я пошел следом.

На кухне стояло три больших торта, соки и одноразовые тарелочки, заранее купленные заботливой Мариной. Вокруг стола толпились коллеги, кто-то уже сидел поодаль, разбившись на пары и тройки, смакуя торт с соком, а кто-то пил чай. Тут царил праздничный шум, хотя какой же это праздник? Однако большинству коллег не было дела ни до Марины, ни до повода, по которому она принесла торты. Халява сближала самых разных людей – всех тех, кто никогда не общался раньше друг с другом. В общем, я увидел толпу, жадно набросившуюся на угощение, будто они все никогда в жизни не пробовали ничего подобного.

Я обвел беглым взглядом коллег: каждый из них что-то скрывал, у каждого – свой скелет в шкафу.

Судорожно сглотнув, я приблизился к столу за своей порцией торта. Одна из девушек нарезала угощение кусочками и, заметив меня с пустой тарелкой, поинтересовалась, какой торт мне бы хотелось.

– Любой, – ответил я, стараясь не смотреть никому в глаза.

Вскоре на тарелке очутился шоколадного цвета бисквит с какими-то прожилками. Сок почти весь выпили, пришлось довольствоваться чаем. Юра оживленно с кем-то беседовал, а я стоял в сторонке, ковыряя одноразовой пластиковой вилкой бисквит, и недоумевал: что я тут делаю? Скорее, я отдавал должное Марине, чем наслаждался вкусным тортом и

общением с коллегами. Хотелось найти Марину, сказать ей пару добрых слов на прощание, выразить восхищение. Но если чуть-чуть приоткрыть плотные шторы прошлого, ничего не произойдет – ни с ней, ни со мной. Никто не узнает, что я одним взглядом проник вглубь души и теперь храню чужие тайны.

Вдруг кто-то меня окрикнул.

– Привет, Даниил! Классно выглядишь!

– Подняв взгляд, я увидел Марину.

Она пробилась сквозь обступавшую ее толпу, на ходу всем улыбаясь и говоря бесчисленные «спасибо». Я один из немногих, кто мог считать себя долгожителем компании наряду с Мариной, хоть и устроился позже нее.

– Спасибо, – отозвался я, улыбаясь. – Видишь, специально приоделся по такому случаю, – соврал я.

– Если говоришь правду, польщена, – Марина подмигнула, как умела это делать только она, вроде и одобрительно, а вроде и с намеком, что раскусила обман.

– И куда ты теперь? – я и смотрел, и не смотрел на нее одновременно, то делал крошечный глоток чаю, то ковырялся в торте... только бы не встречаться с ней взглядом.

– Ухожу в стартап. Здесь я достигла потолка. Я тут просто наемный руководитель, выше некуда. Ав стартапе мне дают опцион, то есть учредитель отрезает часть пирога, и я становлюсь одним из совладельцев. Конечно, доля небольшая, но это лучше, чем здесь. Стартап получил инвестиции, мож-

но рассчитывать на хорошее начало. Да и просто нужна смелая обстановка после стольких лет.

– Понимаю... Что ж... Удачи!

– Спасибо, – она с нежностью улыбнулась. – А ты не хочешь попытаться счастья еще где-то?

– Хочу побороться за счастье здесь. Уйду, когда сумею подняться повыше...

Марина стала первым человеком, которому я признался в этом своем намерении.

– Смелое решение. Уж не на место ли Сергея ты замахнулся? – иронично спросила она.

– Пока нет. Чуть пониже... И этим думаю удовлетвориться, – наконец, набравшись смелости, я взглянул Марине в глаза.

– На твоём месте я бы хорошенько подумала, почему тебя не повесили, когда штат программистов расширился, – заметила она. – У тебя не было опыта, но ты мог бы всему научиться, если бы тебе доверяли. А если не доверяют, то нет смысла биться. Подумай над этим.

– Подумаю, – машинально ответил я.

Марина извинилась и подошла к другим коллегам на пару слов, а я попытался переварить то, что узнал.

Выходит, Марина вовсе не та, кем стоит восхищаться. Если бы на её месте был мужчина, ни о каком карьерном росте в компании и речи не было бы.

Я увидел Марину, сидящую в приемной. Она что-то пе-

чатала на компьютере, попивала чай и одновременно набирала СМС. Обычная секретарша, каких много, какие везде и всюду. Требовать от таких зеленых девочек чего-то поистине сверхъестественного рука не поднимется. Марина совсем девчонка, не удивлюсь, если она сидит в чате или на форуме (настенный календарь показывал 2003 год), а не выполняет задание руководства. К ней подходит наш генеральный – один из основателей компании. Выглядит он моложе, стройнее и привлекательней. Кладет Марине на стол бумажку и быстро удаляется. Выглядит, будто дал поручение, которое нет времени объяснять. Следующий кадр: Марина с генеральным в его кабинете. На календаре суббота. Конечно, они «работали» – усердно, правильно и даже красиво. Марино тело когда-то было прекрасным...

В тот момент я с грустью отвел взгляд.

И грустил я не потому, что не сделал ни одного шага навстречу близости с Мариной (а такие моменты грусти периодически накатывали), а потому, что нарисованный мной идеал бизнес-леди рассыпался в пыль... Как все прозаично, и как далек я от реальности нашего мира... Эти переживания вновь заставили вспомнить утреннюю мысль про собственную чистоту. Маньяков кругом вроде нет, но и общаться с окружающими уже совсем не хотелось...

Я медленно побрел на рабочее место. Кусок в горло не лез, чай остыл. В укромном уголке я выкинул остатки торта в мусорное ведро и с твердым намерением повторить вче-

рашней рабочий план взялся за дело.

Время летело незаметно. Меня звали на обед, но, сославшись на очень калорийный торт с утра, я отказался. К моему удивлению, календарь показывал пятницу, а значит, сегодня короткий рабочий день до 17:00. Однако в тот день, кажется, уже в четыре часа никто не работал. Все перешептывались. Краем уха я не раз слышал имя Марины. Похоже, женщины осуждали ее за то, что она ничего не сказала раньше о своем уходе. Еще одна горячая тема сплетен: кто станет новым директором по маркетингу? Неожиданно я заметил какое-то оживление и искоса бросил взгляд поверх перегородок, отделявших меня от «ячеек» других сотрудников. Часть работников собралась на свободном пространстве, словно чего-то ожидая. Наверное, и мне туда.

Медленно, пересилив себя, с трудом делая каждый новый шаг навстречу толпе, где придется встретиться взглядом с огромным количеством темных душ, я продвигался вперед, покрываясь легкой испариной по мере приближения к сослуживцам. Стараясь ни на кого не смотреть, я встал во второй ряд, но «милые» коллеги расступились, чтобы мне хватило места. Передо мной оказался весь цвет компании – программисты, их руководители, секретари и даже уборщица решила примкнуть к общему сборищу.

Я ощущал себя будто в школе у доски, когда стоишь под пристальными взглядами одноклассников, которые только и ждут твоего промаха, чтобы засмеяться и еще несколько

дней припоминать твою оплошность. Страшно. Словно стоишь голым среди зверей. Ах, что же делать? Я смотрел в потолок, рассматривал носки собственных ботинок, двери, перегородки, вертел головой и считал минуты, когда закончится этот шабаш.

Наконец дверь отворилась, и вошли те, кто будет держать речь. Я узнал их по обуви. Дорогие черные мужские туфли директора соседствовали с синими на среднем каблуке туфельками Марины.

Ненавижу прощаться с коллегами. В этом есть доля фарса, и причем очень большая. Лично подойти и пожелать удачи – да, это нормально, но когда вся толпа собирается поглазеть на человека и послушать пару вымученных и банальных слов от директора – фикция команды. Нас насильно загоняли, как стадо баранов, на «водопой» единения. В каждом слове слышалась ложь, в каждом взгляде сотрудников читалась лишь одна мысль: «Скорей бы разойтись». Хотя что читалось во взглядах тогда, я не знал.

Речь взял директор:

– Коллеги! Как вы знаете, сегодня у Марины последний рабочий день. Она проработала с нами с первого года, с начала деятельности. Мне, и осмелюсь предположить, что и всем нам, очень тяжело расставаться с таким прекрасным специалистом и просто хорошим человеком, который всегда был на страже интересов компании. Она была для нас больше, чем коллега, – тут я еле сдержал смех, – и для многих, как я

знаю, Марина стала наставником, открыла путь многим молодым специалистам. Скажу больше: Марина стала частью нашей семьи, – «Даже так!» – большой семьи нашей компании. Мы все уже практически сроднились, особенно после незабываемых корпоративов. – Тут все засмеялись и захопала. – Марин, – он повернулся к ней, – я хочу тебе пожелать от имени всего коллектива удачи на новом месте и достижения новых профессиональных высот. Знаю, ты их достигнешь, тут никто не сомневается в этом. – «Конечно, Марина ведь знает проверенный способ». – И хочу преподнести этот скромный знак внимания, – в руках у него уже был дежурный букет цветов и небольшой пакет, – чтобы ты помнила о нас, чтобы мы помнили о тебе. Мы всегда будем рады тебя видеть здесь в этих стенах, – «В укромном кабинете», – мои мысли отдавали желчью, но сдерживать их я не хотел, – которые очень сложно представить без твоего голоса, походки и заразительного смеха. Спасибо, что была с нами все это время, спасибо, что ты есть! – под бурные аплодисменты генеральный поцеловал Марину в щеку, это действие я пропустить не мог.

Марина раскраснелась, принимая поцелуй и подарки. Интересно, какие сейчас отношения у нее с директором? Никогда не любил сплетни, если честно. Пусть мои сослуживцы лгут, притворяются, играют в «хорошего босса и отличного помощника» – это их личное дело, в конце концов. Но до чего же любопытно приоткрыть завесу тайны жизни тех, с

кем столько времени проработал... Я метался, то сдерживая свои низменные мысли, то им потакая. Но выход, как всегда, один – узнать правду, какой бы она ни была. Вряд ли я нарушу конфиденциальность, и потом, возможно, это все мои галлюцинации, так почему бы и не посмотреть в глаза директору?

Это произошло не нарочно. Не то чтобы я специально искал взгляд этого человека, к которому, кстати, отношусь с уважением, но вышло так, что, повернувшись лицом к подчиненным, он посмотрел на меня.

Дмитрий Михайлович, так величают директора компании, личность интересная. Обладая мягким стилем руководства, который иногда отливал сталью, он заслужил уважение в коллективе. Кто-то назовет это страхом, но мне кажется, что директора именно уважали, и прежде всего – за профессионализм. Добиться роста бизнеса в несколько раз за десять лет и продолжать умело руководить предприятием сможет далеко не каждый. Естественно, бизнес-образования, как и у любого рожденного в СССР, у Дмитрия Михайловича не было, но и в новых условиях получать его он не торопился, что говорило о природном чутье и прозорливом уме, который и позволял вести компанию к новым высотам. Криков, истерик, матов и прочих прелестей директор народу не демонстрировал. Порой люди, покидая его кабинет, выходили мертвенно-бледными, порой красными как раки, но всегда молчаливыми и задумчивыми. Кто-то потом увольнялся,

кто-то шел на повышение, кто-то просто работал как прежде. Мне ни разу не доводилось бывать в его кабинете на разборке за все семь лет, что я здесь работал. Правда, Дмитрий Михайлович был среди тех, кто проводил со мной собеседование при трудоустройстве – тогда компания была не столь большой, и директор мог себе позволить беседовать с каждым кандидатом на должность в своей конторе.

Мой первый день в офисе начался с его дружелюбной улыбки, позже лексикон расширился до «Здравствуйте», а сегодня директор открыл самые потаенные уголки своей темной души. Единственное, что я знал о нем до этого взгляда, – он и Сергей были знакомы еще до основания компании, и что он женат.

Вначале Дмитрий Михайлович предстал передо мной совсем пацаном. Но я легко узнал его. На лице волнение и тревога. Он, нервничая, мерил шагами проход под аркой и то и дело боязливо оглядывался по сторонам из-под нахлобученной кепки. Взгляд у него был настороженный.

Что дальше?

События развивались быстро. На сцене появился старый знакомый Сергей. Да, именно он! Материализовался и сразу взялся за дело. Я видел то, что уже читал во взгляде Сергея – обмен документов с дискетой на деньги.

Вот это новость!

Все исчезло, и вновь Дмитрий появился один. Он сидел в своем старом кабинете. Быстро сняв обручальное кольцо с

пальца, он опрыскал себя туалетной водой и застыл в оцепенении. Дальше повторяется сцена, свидетелем которой я был, заглянув в глаза Марины. Получается, раньше директор всегда снимал кольцо, когда приходил на работу...

Одно разочарование. Я уныло отвел глаза. Пустой и вовсе неинтересный этот Дмитрий Михайлович.

Как бы проверить, вижу ли я правду или нет?

Вырваться из паутины неопределенности мне помог Мариин голос – она держала ответную речь. Смотреть на нее я уже не боялся.

– Дмитрий Михайлович, спасибо за теплые слова, спасибо всем за ваши пожелания. Сегодня я поняла, насколько мы действительно сроднились, превратившись в единую семью. Мне очень тяжело расставаться с вами всеми, с компанией, ведь я здесь уже десять лет и, конечно, привыкла ко всем... Мне нелегко далось решение об уходе, но жизнь есть жизнь. Десять лет большой срок, и нужно двигаться дальше. У каждого из нас свой путь... – Марина еле сдерживала слезы, должно быть компания и вправду стала для нее подобием семьи. – Но на произвол судьбы я вас не бросаю, не думайте, – тут легкая улыбка заиграла на ее губах, а кто-то из толпы начал аплодировать, и постепенно все подхватили. Я тоже присоединился к аплодисментам, глядя Марине в глаза. В ее взгляде читались *ссоры с матерью, хлопанье дверьми, истерики, ложь, зависть*, но в целом Марина показалась мне вполне безобидной. Между тем аплодисменты ста-

ли стихать, и она продолжала: – Друзья, спасибо огромное, просто... – кто-то из коллег дал ей бумажный платочек, и она утерла слезу.

Дмитрий Михайлович тоже раскраснелся, немного растерявшись – он не ожидал таких эмоций от Марины, видимо, боялся проявить несдержанность и выйти за рамки поведения «настоящего босса». Справившись со слезой, Марина набрала в грудь воздух:

– Я нашла себе замену.

– Ты незаменима! – выкрикнул кто-то из толпы.

– Это прекрасная девушка, надеюсь, вы ее хорошо примите, она мне очень понравилась. У нее потрясающий опыт работы. Она жила в США, Европе, Сингапуре, занималась маркетингом и добилась потрясающих результатов. Думаю, она вам понравится.

– Иностранка? – поинтересовался тот же голос.

– Нет, – вставил Дмитрий Михайлович. – Ее зовут Софья, она большой профессионал и, надеюсь, станет вам хорошим товарищем.

Наступило неловкое молчание, и директор попросил еще раз поаплодировать Марине. Этим все и закончилось. Кто хотел, остался общаться в неформальной обстановке, а я пошел работать.

Глава 5

Пятница. Конец рабочей недели. Я остался один. Тишину нарушало лишь жужжание компьютера и шорох вентилятора. Окна были плотно закрыты. В пять часов и даже чуть раньше офис начал пустеть. Я махнул рукой Марине, но, кажется, она не заметила. Мне было все равно.

Зеркало, если посмотреться в него, как и утром, отражало лишь яркий свет. И не только зеркало. Глянцевая матрица монитора вторила ему, нагло взирая на меня черным прямоугольником. Я уже не работал – просто сидел, откинувшись в кресло. Белый потолок расчертили тени и лучи заходящего солнца.

Люди шли развлекаться – клубы, рестораны, вечеринки, тусовки. Хотя вечер пятницы – то время, когда сложно найти свободное место в кафе, чтобы пропустить стаканчик пива.

Марина забронировала ресторан заранее, после наверняка будет дискотека с живой музыкой. Нет, меня не звали. Специально никто не подходил, но Марина громко объявила, что пойти в ресторан может любой желающий. А я не желал. Я хотел доделать задачу и перейти к самоанализу и самосозерцанию. Помню, Юра косо посмотрел в мою сторону, когда уходил. Жаль, не могу читать мысли.

В душе стоял холод одиночества, и вряд ли кто-то или что-то могло в этот миг меня согреть. Кругом были предатели,

лжецы, изменники и завистники. Не к кому подойти, рассказать о том, что на душе. Никто не подойдет и не скажет: «Даниил, ты так смотришь, будто что-то увидел во мне. Не хочешь рассказать?» А я бы не захотел. Я бы отвернулся, удивился еще раз своей странной безгрешности и отошел подальше от любопытного, но внутренне чужого мне человека.

Безгрешность... Одно лишь это слово успокаивало и расслабляло. Ни страхов, ни тревог. Пусть я сумасшедший, только вот все окружающие в этот миг представлялись мне циничными обманщиками.

Воображение не имеет границ. Этим оно и прекрасно, и ужасно. И если все, что я узнал о людях, заглянув им в глаза, только мои фантазии, то страшно интересно, куда эти грезы наяву могут меня в итоге завести. Так что там натворили эти Юры, Дмитриии Михайловичи и Марины?..

Размышления мои резко оборвал звонок телефона. Звонил Леха. Не может быть!

Я замер в нерешительности. Передо мной встала Лехина физиономия – раскрасневшиеся щеки, нахмуренный взгляд, слегка вспотевший лоб и зажатый телефон в маленькой пухлой ручонке. Вот его глаза забегали от ожидания, губы сжались, выдавая раздражение. Еще немного, и он процедит сквозь зубы «С*ка!» и отрубит вызов. Но нет, такого подарка от меня он не дождется.

– Привет! – нехотя отозвался я.

– Здорово, – злобно рявкнул Леха. – Ты куда пропал? По-

чему не позвонил?! Что за выкрутасы?!

– Не ори на меня! – я огрызнулся. – Сам смылся! А цеплять первых встречных накрашенных телок – дурной тон!

Дальше последовала нецензурная перебранка, суть которой свелась к тому, что хоть каждый считал другого порядочным уродом, стоило вдарить по пивку...

Мой план был прост – проверить на Лехе свои новые способности. Вот только почему он хотел встретиться со мной, было загадкой. Однако, положив руку на сердце, разгадывать ее совсем не хотелось.

Леха – идеальный вариант для проведения опыта. Не пойду же как Дмитрию Михайловичу с вопросом: «А это правда, что вы и Марина были любовниками?» Или можно еще такой задать, предварительно изрядно напившись для храбрости: «Дмитрий Михайлович, а ведь вы – преступник. Вы в курсе того, что Сергей продал вам разработки, проходившие под грифом „Сов. Секретно“?»

С такими вопросами надолго в компании я не задержусь. А с Лехой все просто. Даже если он сильно обидится, и черт с ним! Невелика потеря. Прокручивая в голове подобные мысли, я быстро собрался, оформил «подарок» Юре к утру понедельника, чтобы тот не расслаблялся, и, довольный собой, отправился в «тошниловку».

За что в народе так окрестили это невзрачное кафе? За бедность убранства, демократичность цен и соответствующий контингент, частенько пачкающий и без того грязные

столы, стулья и пол. «Тошниловка» располагалась недалеко от станции метро «Улица 1905 года». Там подавали все в исключительно старых советских тарелках и граненых стаканах, а чтобы гости расплатились, приносили старый портсигар, куда и надо положить купюры или карту. На стенах висели знамена с вождями коммунизма, витрины с советскими рублями и старые агитплакаты. Уши ласкали звуки советской эстрады полувекового разлива и песни из известных кинофильмов тех времен.

В «тошниловку» мы с Лехой ходили лет с четырнадцати. Никому и в голову не приходило, что нам не было восемнадцати. Я специально не сбривал пушок на подбородке, а Леха изменял голос до добротного баса. Нас пускали, то ли оценив актерское мастерство, то ли пожалев за его отсутствие, но всегда наливали по кружке пива и выдавали по вобле. На большее нам тогда не хватало, но и этого было достаточно, чтобы почувствовать себя взрослыми. Сейчас мне было уже под тридцать, я был в состоянии заказать полноценный обед с крепким алкоголем, а в «тошниловке» ничего не изменилось. За десятилетие хозяева так и не сделали ремонт, может, только косметический. Та же официантка и та же потертая мебель создавали ощущение стабильности, пусть и напускной. Только цены безбожно выросли, а пиво перестали разбавлять водой. Однако каждый раз, приближаясь к «тошниловке», я испытывал странные чувства, будто вновь возвращался в детство, которое ждало меня за одним из тех обшар-

паннных столов с кружкой пива и воблой. Иногда я пил один, мысленно чокаясь с детством и думая о том, во что превратилась моя жизнь. Ни одна мечта так и не сбылась...

Леха уже был на месте. От злобы, с которой он пыхал в телефонную трубку, не осталось и следа. Он уже успел осушить кружку пива, и его пухленькое щетинистое лицо покраснелось, расплывшись в широкой улыбке. Смачно отрыгнув, он спросил:

– Чей-то ты сегодня припозднился?

– Работаю, а ты нет?

– Какая работа, смеешься, что ли? Сегодня пятница-пятница!.. Принесите водки!.. А тебе?

– Тоже, – мне было все равно, что пить. Возможно, скоро я расстанусь с щемящим сердце ощущением детства и больше никогда не приду в это место. Возможно, я вижу Леху последний раз в жизни. Ладони вспотели от напряжения, заболела голова.

Пока несли заказ, Леха достал планшет и показывал различные в его понимании фото. Он заснял историю кутежа со «светскими львицами», уже выложил их в интернет, и, по его словам, фото привлекли огромную аудиторию. Положа руку на сердце, скажу, что Леха плохой фотограф. Расстраивать такой мелочью я его, конечно, не стал.

А вот и водка. После нескольких рюмок мой друг станет еще более разговорчивым, и тогда можно браться за проверку.

«Ну же, Алексей, посмотри мне в глаза, подними веки, оторвись от своих фоток», – я буравил приятеля взглядом, и моя настойчивость увенчалась успехом. Леха уставился на меня.

Пьяные глаза Лехи раскрывали его тайны, будто скатерть самобранка стелила яства одно аппетитней другого – блюда на любой вкус:

На первое, конечно, зависть. Леха завидовал мне, коллегам, брату; всем, кто выше его ростом; всем худым; всем, кто фотографировал лучше, чем он; всем, кого считали «красивыми» – список показался мне бесконечным.

В первый момент даже показалось, что кроме зависти в душе этого человека ничего нет, однако я глубоко заблуждался.

Дальше больше.

Чревоугодие. Куда же без него? Странно, что оно оказалось на втором месте, ведь мой друг объедался до неприличия, не мог устоять перед «еще одной конфеткой» и «еще одной» и «еще самой последней», боготворил пиво и все дорогие виды алкоголя. Бокал коньяка в руке придавал Лехе статус – так он полагал, а уж ром, виски, текила или дорогое вино поднимали его мужское эго на самый верх, особенно в обществе милых дам.

Следующей оказалась злоба.

Леха легко выходил из себя, не мог сдерживать эмоции и в пылу ссоры обижал даже самых близких людей. Именно

самым близким и доставалось больше всего.

Раскаивался ли он? Иногда да, иногда нет.

Никогда прежде я не систематизировал свои знания о Лехе. Однако пока ничего нового не открылось – неужели не за что будет зацепиться и проверка пойдет прахом?

Я продолжал всматриваться в глаза приятеля, опрокидывал рюмки, кивал, смеялся, будто между прочим, поддерживая неторопливый разговор, а сам пытался выхватить хоть что-то полезное из череды возникавших образов.

Бинго!

Похоть. Вереница девушек, с которыми Леха заигрывал и пытался всячески затащить в постель, зашкаливала.

Я чуть не поперхнулся от его сексуальной гиперактивности.

Блондинки, брюнетки, рыжие, низкие, высокие...

Существовал ли тип девушек, который его не привлекал? Он что, озабочен? Я едва сдерживал смех, учитывая, что удача в общении с противоположным полом редко сопутствовала Лехе.

Но вдруг что-то резко кольнуло прямо в сердце. Я увидел Леху таким же подвыпившим, как и сейчас, в обществе еще одной девушки. Только девушка оказалась до боли знакома. Моя бывшая подруга Ольга хихикала, слушая похабные шуточки моего приятеля. Он подливал ей алкоголя, обнимал, пододвигался ближе. Пытаясь понять, где они и как оказались наедине, я вспомнил один-единственный вечер, когда

Леха с Олей меня ждали, а я задержался на работе из-за придинок Юры.

Да Леха же маленький толстый урод! Как Оля могла поддаться на его плоские шутки?! Оля... когда-то казавшаяся мне тонкой, чуткой, открытой натурой, в один миг пала в моих глазах, притом ударив ножом аккуратно в спину. Флиртовала с моим единственным другом... Хороша девка – копалась в моем мобильнике, а у самой рыльце в пушку. Когда мы общались втроем, она никогда не выказывала симпатии Лехе, держалась от него на расстоянии, явно демонстрируя, что она моя девушка. За Лехиной спиной отзывалась о нем нелестно, называя то «пустым болтуном, который знает только бородатые анекдоты», то «мужланом и толстяком»... Но видение говорило об обратном. Шутки Лехины веселили ее, да и объятия его оказались не так противны, как можно было бы подумать. А Леха-то времени зря никогда не терял. Если девушка оставалась одна хоть пять минут, он уже рядом...

Меня охватили сомнения. Неужели, все, что я увидел, правда? Необходимо расспросить Леху, возможно, это прольет свет на действительное положение вещей...

Но станет ли отвечать он на прямой вопрос про флирт? Вряд ли. Хотя, может, и решит похвастать. Ведь фотографии с девушками бахвалился. А что, если Леха с Ольгой зашли дальше? Если намекнуть на секс, то Леха в свое оправдание может и рассказать что-нибудь... Ход мыслей сбивал-

ся, я медлил в нерешительности и натужно улыбался Лехиным шуткам.

Меж тем Леха заливался от смеха. Вспомнил что-то веселее предыдущих шуток и громко хохотал, выливая в желудок очередную стопку водки. Оживились посетители за соседним столиком – тост следовал один за другим. Из колонок в конце зала доносилась старая песня про «милого бухгалтера». Сигаретный дым разъедал слизистую, сердце бешено колотилось. Я сидел молча. Только внутри все кипело. Или сейчас, или никогда. Я опрокинул рюмку водки для храбрости и решился на штурм.

– Ты чего такой грустный? Не смешно, что ли? – Леха обиженно скривился.

– Вообще не смешно, – тихо ответил я. – Давно хотел кое-что спросить... Когда мы с Ольгой расставались, она рассказала всю правду о вас с ней. – Позиция выжидания казалась мне беспроегрышной.

– Какую правду? – Леха быстро изменился в лице, хмель как рукой сняло.

– Будто не знаешь? – яс вызовом взглянул на приятеля.

– Не знаю, – тот выказал твердость, ни тени испуга или неуверенности.

– Ольга сказала, что вы с ней переспали пару раз, это правда?

– Чувак, ты чего? Ты поверил в это вранье? – кажется, Лехино удивление было искренним.

– Учитывая, что ты не пропускаешь ни одной смазливой мордашки, то да, поверил... А флирт или что-то подобное было?

– Ну, может, и было, а какая тебе разница? Вы же расстались.

Я присвистнул. А ведь он прав. Вот это номер.

– А тебе не говорили, что флиртовать с чужими девушками, мягко говоря, нехорошо? Я же доверяю тебе. Леха, как же так? – я чувствовал себя оскорбленным. Размышляя о видении, я все думал, как его проверить, и вдруг во время разговора понял, что Леха в очередной раз вытер об меня ноги. Школьные шалости не шли в пример тому, что за моей спиной он флиртовал с моей же девушкой. МОЕЙ!

Леха в недоумении уставился на меня. Видно, что он не совсем соображал, что ответить после нескольких стопок водки и кружки пива. Я, нахмурившись, отвернулся, чтобы не видеть его раскрасневшуюся физиономию.

– Ты вроде мало выпил, а тебя вон как несет. Че, завидуешь? Видел, сколько я телок склеил, а ты всегда трусишь, кишка тонка, да? – Леха перешел в нападение. – Я хоть и не красавчик, но знаю, чего хотят телки. Я тебя сюда специально позвал, чтобы показать эти фотки. А с Ольгой у нас ничего серьезного. Я только поупражнялся пару раз во флирте. Навык же нельзя терять. Так что не переживай, – он хотел похлопать меня по плечу, но я увернулся в последний момент, – секса не было. А флирт – не измена. Эй, официант,

счет!

Видение не обмануло... Флирт точно был. Только радости от того, что дальше ничего не было – ни грамма. Да, теперь я узнал, что мои видения о поступках людей реальны, как и сами поступки. А что по жизни случаются черные полосы и иногда о тебя вытирают ноги, так это было известно и раньше, просто всегда казалось, что в следующий раз подобного удастся избежать, а если нет, то свинью подложит точно не единственный друг. А друг ли он мне вообще, если пригласил, чтобы потешить свое мужское самолюбие? Стиснув зубы, я положил на стол деньги, чтобы расплатиться и уйти, но от Лехиной самодовольной рожи меня аж перекосило. Обида, злоба, желание унижить. Я задержался на пару секунд, размышляя, стоит ли ждать его, чтобы врезать по рылу пару раз. Но потом одумался. Светлый вечер, полно людей, почти центр города, да и мой чистый внутренний свет шепнул: «Не надо». И я поспешил прочь не попрощавшись.

Уйти хотелось как можно быстрее, но вдруг на проходе между столиками, стоящими по обе стороны небольшого зала, оказалась шумная компания. Парни быстро вышли в проход, давая сесть за стол вновь прибывшей девушке. Девушка стала всех обнимать, радоваться и чмокать подруг в щеки, как это часто у них, женщин, бывает. Ждать, когда они все усядутся, не было сил, и я протиснулся между ними и столиками слева, и слегка, как мне показалось, задел локтем одного из парней. Если честно, я не заметил его, не посмотрел

в его сторону и так и ушел бы, если бы не злобный окрик в мою сторону:

– Эй ты! А правилам хорошего тона мама не учила? – На меня уставился амбал со шрамом над бровью, под обтягивающей тело футболкой играли накачанные мышцы. – Ты меня толкнул, и я чуть не упал на девушку. За хамство ответить надо!

– Я вас не толкал, это ошибка... – я быстрее пошел к выходу, надеясь улизнуть от надвигающейся бури. Незнакомец последовал за мной, бросив своим: «Ща приду».

– У-у-у, – протянул он у меня за спиной. – Да ты борзой, как я погляжу. А ну стой, гнида!

Выбравшись на улицу, я пошел еще быстрее, но «качок» обогнал и преградил путь, словно скала. Людей, как назло, рядом оказалось мало.

– Ну, теперь доись. Мобилу можешь себе оставить, урод... – тихо произнес он, пытаясь поймать мой взгляд, чего мне очень не хотелось. – Даже глаза отводишь, ничтожество. – С этими словами он легким движением рук почти впихнул меня в стену «тошниловки». Рывок, и мой кошелек оказался у него в руках. Внутри – лишь тертый полтинник. С досады «амбал» харкнул на асфальт, а потом, швырнув кошелек под ноги, со всего маха треснул меня пудовым кулаком в лицо и удалился, переполненный разочарованием. Не знаю, как мне удалось устоять на ногах. Я почувствовал, как из носа брызнула кровь, а щека и бровь безбожно заныли.

Опираясь о стену, я вытирал кровь рукавом. В голове было только одно – скорее отсюда. Нагнувшись, я подобрал пустой кошелек.

– Ты как? – Леха возник будто из ниоткуда. – Погеройствовать решил?

От неожиданности я даже слегка вздрогнул.

– Как видишь. Чего надо? – грубо отрезал я, оправившись от его появления.

– Да остынь ты. – С Лехи как с гуся вода, хоть бы что. – Чувак, тебе надо такси. В метро полно ментов, загрести могут.

– А тебе-то какое дело? – злость моя была отменной. Леха отшатнулся. – Я сам пойду побои зафиксирую и в ментовку заявление писать... – и я поморщился от боли и отвращения, так как знал, что никуда не пойду и никакие заявления писать не стану.

– Ты же пьяный, будешь виновным по любому. И ты его толкнул, между прочим, если даже этого не заметил.

– Да пошел ты! – Я гордо поплелся в сторону метро, сплюнув в сторону Лехи. Он крикнул мне вслед пару ругательств, но я даже не хотел его слушать, поэтому ругательства мысленно отправил ему обратно.

Теперь Леха представлялся мне не человеком и другом, а переполненным злобой и ненавистью существом, что с радостью и без особых сожалений втоптывало меня в грязь. Душевная боль, которую причинил лучший друг, помогла вер-

нуться в реальность. Я остановился у дорожного перехода – горел красный. И даже боль физическая не шла ни в какое сравнение с тем, как скребли на душе кошки...

Вот так я потерял единственного друга. Прокуренный воздух «тошниловки», несколько стопок водки натошак и «свидание» с кирпичной стеной. Прекрасный день – пятница.

Я ехал домой на маршрутке и то ли радовался, то ли грустил. Радовался от того, что подтвердил истинность своих видений. Хотя... Леха мог и приврать. Но слишком уж язвительно и злобно говорил он мне о флирте с Ольгой, с чувством явного мужского превосходства, которое сложно сделать напускным. Эдакий герой-любовник, рассказывающий о своих победах. Зная Леху столько лет, я был убежден, что он не лгал.

А еще во мне проснулась жалость к себе любимому. За что все это со мной? Почему я, а не... сосед Вася? И жалко было вовсе не свой распухший нос... Хотя и его тоже, совсем чуть-чуть.

Горькое чувство отречения от старой жизни навалилось бетонной плитой. Прощай «тошниловка», прощай детство, прощай Леха, прощай мир, каким я его знал раньше. В ту ночь я не спал, даже приняв снотворное.

Глава 6

Утром, едва рассвело, я заглянул в зеркало. Свет. Всепроникающий дикий яркий белый свет залил пространство комнаты, как только я встретился взглядом с собственным отражением. Я закрыл глаза, успокоился и вновь посмотрел в зеркало. Вместо привычного лика я увидел помятое и побитое лицо, воспаленные глаза от бессонной ночи вкупе с тревожными мыслями. Наверное, так и должно быть. Необходимо смириться и жить дальше, ведь жизнь не закончилась. Быть может, все только начинается... Такие малоутешительные мысли меня забавляли. А начинаться может не только хорошее, но и зачастую дурное, пугающее и страшное. Черная полоса приходит не постучавшись. Но я уже был готов – и к бессонным ночам, и к вынужденному одиночеству, и к неприятностям. Смогу ли я вообще общаться с людьми, зная, *что* у них за душой? От этой мысли легкая дрожь пробежала по телу.

Нужно кому-то открыться. Но эта идея сама по себе была утопией. Даже с самыми близкими людьми – родителями – я никогда не говорил откровенно, что уж до кого-то, пусть он даже аноним из сети. В современном мире про анонимность стоит давно забыть. Работа в компании, производящей программы-антивирусы, наложила отпечаток на мое отношение к конфиденциальности.

А завтра встреча с родителями. Меня даже испарина пробила. Сердце сжало в тисках страха. Родители мои – простые, ничем не выдающиеся обыватели. Я отвернулся от зеркала. Тоска смертная...

Мама работала бухгалтером. Профессия, с одной стороны, важная и нужная... Но с детства я знал, что бухгалтеры ничего не производят, не приносят благ обществу. В детстве меня удивляло, почему чья-то мама поработала и получился проект моста, а моя мама будто бездельничала – результата я увидеть не мог. Наверное, поэтому мнение о маме складывалось не самое лучшее. Я видел пустоту и в ее жизни, и в ее работе. Постоянная трескотня по телефону, какие-то бумажки, суета и сдача непонятных мне отчетов, которые никому не нужны. Она ненавидела свою работу, но продолжала скрепя сердце ходить на службу, срываясь на мне и отца. А если задерживалась, то становилась еще более уставшей и озлобленной. И в этой странной ее ненависти и невозможности сказать «нет» начальству я видел слабость, покорность обманщице-судьбе. К тому же мамини подруги и коллеги, такие же бухгалтеры, как она, создавали негативный образ всей профессии. В коллективе царили склоки, зависть и сплетни – все то, что я ненавидел всей душой. Общение же с подругами, даже школьными, часто перерастало в приступы зависти. Мать часто талдычила одно и то же по кругу целыми днями: «Галька опять купила новую машину», «У Наташки сын поступил в Финансовый», «Ольгин сын с золо-

той медалью окончил»... Говорила она это зло, с вызовом, пытаясь нас унижить. Она постоянно обвиняла отца в ее нищенской жизни, а меня – в ее постоянно плохом настроении. После таких разговоров мы подолгу сидели молча и расходились каждый по разным углам квартиры.

А отец? Отец был обычным шофером. Он не получил высшего образования, и единственное, что умел – крутить баранку. Еще в школе я всегда испытывал стыд, когда приходилось давать сведения о родителях. У Лехи отец, к примеру, был каким-то директором, и они всей семьей постоянно ездили отдыхать за границу, да и у других ребят отцы добились куда большего, чем мой. Лет пять назад мой отец устроился возить какого-то босса. Служба безопасности компании остановила выбор на нем ввиду несудимости его и родственников, наличию полной семьи, отсутствию тяги к алкоголю, а главное – паспорту с московской пропиской. Мой отец – исполнительный, молчаливый, покладистый – заступал «на смену», когда босс отпраивлся по девочкам, и когда нужен просто курьер, чтобы отвезти документы.

Страшно подумать, что таилось в памяти моих родителей. Не удивился бы я, узнав, что отец выполнял и противозаконные поручения... Кроме того, родители могли скрывать что-то важное... касающееся меня, например. И лучше не знать правды, чем всю оставшуюся жизнь изображать ханжу.

В зеркало я больше не смотрел. Целый день зализывал раны – мазал их мазями, делал примочки и настраивал себя

на веселый лад. Ведь будут расспросы: а что случилось, кто тебя побил, на тебе нет лица... У матери особое чутье на мое внутреннее состояние. Голова шла кругом от мыслей о предстоящем визите. Какую бы отговорку придумать, чтобы не идти? Только не поможет никакая отговорка. Кто бы мог подумать, что я буду набираться мужества и храбрости для встречи с родителями. Собрав волю в кулак, я стал тщательно обдумывать легенду, объясняющую мой неважный вид. Родичи ведь и вспомнить не смогут, когда их сын последний раз дрался. Я всегда сидел дома, делал уроки, пока мои одноклассники шастали по стройкам и соседним дворам в «поисках приключений». Правда, помню, как-то раз помяли мы с одним пареньком бока друг другу из-за какого-то пустяка. Но тогда я был уверен в завтрашнем дне. И хоть я не герой боевиков, но потрепанная фраза «до свадьбы заживет» сидела глубоко внутри.

Нынешняя же ситуация требовала от меня хорошей актерской игры – таланта, которым я не обладал. Мало того что я был побит, так и на душе кошки скребли. Банальные отговорки вряд ли сработают, но другого выхода не существовало. Должно быть, родичи почувствуют, узнают с помощью родительской интуиции ложь, станут настаивать на откровенном разговоре. Я был уверен, что так оно и будет.

Готовясь к встрече с родителями, я готовил себя к тотальному одиночеству, еще большему отдалению от них ввиду невозможности им открыться и вероятных откровений, что

могли быть мною «увидены». Это просто новые реалии, с которыми приходилось считаться. Брать волю в кулак и идти вперед, что бы ни было дальше.

Нет, я не собирался закрываться от мира – более открытого человека, чем я, найти сложно. Я готов общаться, готов, как и раньше, бегать беззаботно в кино, да и в «тошниловку» пошел бы с удовольствием. Не моя вина в том, что сходиться-то не с кем. Куда исчезла честная мужская дружба? А где прячется настоящая любовь? Вглядываясь в прошлое, я не находил ответа на свои вопросы. И даже если бы нашел... Окружающие только и делали, что лгали, завидовали, обманывали и совершали более тяжкие проступки, не смогли бы мне составить компанию хотя бы по одной веской причине: они считали свои поступки в порядке вещей, в то время как я считал их недостойными. Общаясь с такими людьми, нельзя избежать участи быть оболганным, обманутым, оклеветанным. Ах, если бы я поступал с друзьями и коллегами так же, как и они со мной и остальными, то жизнь была бы стократ проще, но я не видел нужды уподобляться большинству. Зачем? Личная выгода, карьерный рост, желание посмеяться или отомстить?..

После завтрака, чтобы отвлечься, я полез в интернет. Главная новость этого дня: смерть рок-звезды, предположительно от передозировки наркотиков. Вот, они герои толпы! Должны быть под стать своим поклонникам. В комментариях я оставил смайлик «рука-лицо». Кажется, лучи гнева сей-

час польются мне в ответ. Фанаты напустили целую простыню «плакс» и банальных фраз вроде: «Покойся с миром». Без сожалений я закрыл вкладку с новостью.

О чем еще пишут? *Очередная банда «черных риелторов» под видом социальных работников...* Причем все эти новости я будто уже читал. Однако количество комментирующих, троллящих друг друга под новостными сводками, удивило. Я оставил им такой же смайлик «рука-лицо». Изнутри поднималась брезгливость ко всей этой интернет-возне, мелочной, гаденькой и совершенно пустой. Что же это за люди, которые публикуют так много словесного мусора? Сгоряча я откинул в сторону мышку, настолько сильным вдруг стало отвращение к... К чему, собственно? К тому, что общепринятые нормы морали давно заменили бейсбольные биты и травматика? Ко всем этим анонимам, набиравшим глубокомысленную несурязицу на клавиатуре?

Промаявшись остаток дня с головной болью, мне удалось заснуть, когда еще не было и шести вечера. Однако проснулся я в полночь и с тех пор сомкнуть глаз так и не смог. Кружоворот мыслей я залил остатками ликера, и к утру воскресенья вид мой был ничем не лучше, чем в субботу.

Наступило время ехать к родителям. Легенда о причине моего неважного вида пока до конца не сформировалась. А может, сказать правду? И слушать долгую лекцию о вреде посещения злчных мест и о правилах хорошего тона? Нет, я отмел эту мысль, как невозможную по сути своей. Я об-

думывал «легенду», трясясь в трамвае (машина все еще пылилась на стоянке компании). За окном проплывали деревья, дороги, машины, мелькали незнакомые лица. Люди набились в трамвай как сельди в бочку. Легкий ветерок из открытого окна колыхал волосы. Я жаждал покоя и забытья, хотел убежать от всех проблем, и ничего больше. Прикрыв глаза и подставив лицо солнцу, я грезил причудливыми образами, складывавшимися из мимолетных теней. Но краткий миг душевного одиночества оборвался, когда монотонный голос вагонновожатого объявил мою остановку.

Я затвердил «легенду», добился того, что она в моем изложении стала звучать так же естественно, как собственное имя...

Родители встречали меня как обычно и даже не сразу заметили ссадины и распухший нос. Я старался не поднимать взгляд, сразу стал разуваться, пошел в туалет, потом отправился мыть руки. Мама уже суетилась, накрывала на стол, отец откупорил бутылку какого-то спиртного, и я слышал их суматошное ворчание друг на друга. Скоро мой выход. Главное не смотреть в глаза – я поклялся себе.

– Даня, а что с личиком? – мама ахнула и наградила меня взглядом, полным боли и страдания. Я не видел, *как* она на меня смотрит, но по реакции отца понял, что она расстроена. Отец умолк, поставил уже открытую бутылку на стол, сел, слегка кашлянул. Так он себя вел, когда возникало напряжение. И тут надо было бы пустить в ход вымученную

легенду о том, как споткнулся, как неудачно упал, но я почему-то брякнул правду.

– Это гопник один в кафе... Я его толкнул случайно, бывает... – отмахнулся я. – Давайте есть.

– Действительно, давайте есть, – папа предпочитал не решать проблемы, а засовывать голову в песок, ожидая, что все само собой рассосется. Подумаешь, сын подрался. Взрослый, сам разберется.

– Как же так? А что полиция? Ты же их вызвал? – взволнованно поинтересовалась мама. Она казалась растерянной. Конечно, она была опечалена моим внешним видом, но иногда стоит принимать сына таким, какой он есть.

– Мам, это не важно. Важно, что со мной все в порядке... и я здесь с вами. Постараюсь сегодня выспаться и скоро буду как новенький, – и я натянуто улыбнулся. Здесь следовало бы посмотреть маме в глаза и успокоительно кивнуть, однако я машинально положил в тарелку салат, взял хлеб и уже собирался разливать какую-то настойку, как мама остановила меня мягким прикосновением.

– Ты что-то недоговариваешь, я же чувствую. От тебя уже пахнет алкоголем. С утра. – Ее тихий жалостливый голос резал без ножа. – Почему ты не смотришь на меня?

– Да, ты какой-то напряженный. Расскажи, что случилось, – вторил маме отец, а когда они заодно, победить их невозможно.

Я взглянул на маму, стараясь не встречаться с ней взгля-

дом. Посмотрел на отца.

– Хорошо... Я поругался с Лехой. Мы поссорились из-за девушки. Оказалось, решили оба встречаться с нашей общей знакомой. Так получилось... Еще на работе проблемы. Навалилось так все сразу, но ничего страшного, – тут я улыбнулся, разглядывая веки, ресницы, брови матери – смотрел куда угодно, лишь бы не встречаться с ней взглядом. Только бы не сорваться. Внутри меня все напряглось до предела. Я сжал вилку и налег на салат. Ни отец, ни мать к еде не прикоснулись. Мой неожиданный аппетит выглядел неуместно, уродливо. Две пары внимательных глаз следили за каждым моим движением, за тем, как я слегка зевнул, за тем, как хлебнул минералки, как понюхал настойку и сделал маленький глоток...

Мои автоматические действия, заставили их увериться, что я лгу, хотя я говорил чистую правду, обильно оросив семена недоверия, которые я так неудачно

посеял. Тишина становилась все напряженнее. Казалось, еще немного, и кухня взорвется. Воображение нарисовало бутылку наливки, разлетающуюся на множество осколков, брызги алкоголя, пачкающие стены и потолок темно-вишневыми кляксами. Хлеб распался на миллионы крошек, салат разбросало, как шрапнель, а сочные помидоры врезались в тела родителей, оставляя кровоподтеки на одежде, словно пули из «Томпсона» в гангстерском боевике Хемфри Богарта. Все происходило как при замедленной съемке – вязко,

будто мы находились в желе. Но когда осколки воображаемого стекла уже готовы были впиться мне в лицо, пришлось повернуться, и тогда мой взгляд, пронзающий и беспощадный, невольно встретился со взглядами родителей. Я увидел все...

Вернуться в реальность заставил мамин голос.

– Почему ты не смотришь нам в глаза? Даня, скажи правду. Не мучай нас.

– Я никого не мучаю, я ем, – вырвалось у меня.

– Ты хочешь, чтобы я опять плакала? – подобные вопросы всегда были предвестниками грядущей бури.

Мама давила умело, и я делал все, чтобы соответствовать ее представлениям о хорошем сыне. Я молчал. Любое слово будет использовано против меня. Каждое оправдание, любое заверение будет воспринято, как ложь и еще одна выходка избалованного ребенка, мучающего родителей. В их глазах я хоть и не был драчуном и бездельником, но соответствовал смыслу, который они вкладывали в понятие «трудный ребенок».

– Даниил, мы разговариваем с тобой, а не со стенкой. Прояви хоть немного уважения к матери, – отец выдал свою коронную фразу. Так происходило всякий раз, когда я был не в силах продолжать общение. Теперь не зная, что делать, я глупо молчал и смотрел в одну точку. Лучше встать и уйти, но тогда я распишусь в том, что скрываю какую-то страшную тайну. Может, посмотреть им в глаза и больше не бояться

общения? Узнать их секреты и расслабиться... Смогу ли?

– Не понимаю, в чем проблема. Я же сказал, что ничего страшного не случилось. Не верите – ваше дело. – Я резко встал, отодвинув стул. Хотел уйти, но отец крепко взял меня за руку, удерживая силой. От неожиданности я дернулся, инстинктивно повернулся к отцу... и моя клятва оказалась нарушена. Я сразу отвел взгляд, но этого хватило, чтобы я узнал то, чего мне знать не следовало...

Вот я и психанул. Скинул тапочки, сунул ноги в ботинки и выбежал из квартиры, не завязав шнурки.

– Данечка, куда ты? Сынок, стой! Объясни... – мамин голос, смешанный с плачем, еще долго преследовал меня. Лавочка под деревом в тихом сквере укрыла меня от посторонних взглядов. Что дальше?

Я пытался себя утешить, но не мог. Сирота при живых родителях.

Мама родила меня в восемнадцать. Отцу тогда было двадцать три, он крутил баранку, а мама училась в институте. Где и как свела их жизнь, не важно. Только один факт, который я разглядел в глазах отца, имел значение – они оба не хотели меня и не любили. Отец уговаривал мать сделать аборт, а та послушно кивала. Им негде было жить. По их рассказам, после моего рождения всем было несладко. Приходилось делить угол в коммуналке с отцовской теткой, родом он сам был из Подмоскovie. Это теперь почти что Москва, и всем без разницы, откуда человек приехал, а тогда, поноси-

мому словечком «лимита», да еще без собственного жилья, ему приходилось тяжело. А мать? Москвичка, попавшая из скромной, но отдельной квартиры в коммуналку, порицаемая родителями за недалекость. Похоже, именно моя бабушка по материнской линии настаивала на аборте, чтобы не получился «не пойми кто, не пойми от кого». Однако я родился. И своим рождением я должен быть благодарен совершенно посторонним людям, которые вразумили неоперившуюся парочку. Кто эти люди? Отцовская тетка, спавшая на полу ради него и матери, да еще неизвестные мне родственники, а может, и просто чужие люди, проходившие мимо по жизни, но равнодушные к чужим проблемам.

Воспоминания о детстве были разрозненны и выстреливали из прошлого яркими мазками, будто кляксы с кончика перьевой ручки. Там были игры в детском саду, ненавистная манная каша, первый велосипед (его мне подарила соседка, когда ее сын ушел служить на флот), первое купание в реке с большим надувным кругом (тоже дар соседки), первый день в школе, первая двойка у доски... Обычные воспоминания обычного человека. Только я не видел там родителей. Ни мама, ни папа как будто не принимали участия в моем воспитании, хотя мы тогда уже жили в крошечной квартире. Но кому, как не им, заботиться обо мне? Если я играл, то или сам с собой, или с другими детьми. Если я катался на велосипеде, то опять же в компании другого мальчика и его мамы, но не моих родителей. Зимние прогулки на лыжах в

парке – опять я один.

Когда же родители появились в моей жизни?

Первое воспоминание о нашем общем досуге было довольно странным. Я брел вдоль витрин огромного магазина, глядя на все товары снизу вверх, и по привычке взял руку рядом стоящего мужчины, который, слегка удивившись, внимательно посмотрел на меня.

«Я не твой папа», – улыбнулся великан, и тут подоспел настоящий отец.

Вместе с ним из глубины магазина появилась мама. Они забрали меня у дяди, явно испытывая чувство стыда за то, что оставили ребенка. Витрины вновь замелькали перед глазами...

Вспомнилось еще, как мы ходили в кафе – единственный раз. Потом не было даже «Макдоналдса». Запрещали без объяснения причин. А я ходил и облизывался на чужие игрушки из «хэппи мила», просил поиграть. И чаще всего мне отказывали. Так вот, то кафе мы выбирали очень долго. Как мне тогда казалось, ходили бесцельно по улицам, не решаясь никуда зайти. Почему? Зачем? Мне никто не объяснял, просто ставили перед фактом и дальше тянули за руку. Наконец мы зашли куда-то, сели за стол. Но радости не было, только напряжение на лицах родителей. Будто они мучили сами себя, а не хотели провести выходной весело. Я наблюдал, как взрослые читали меню и говорили официанту причудливые слова, а я сидел и молчал, думая, что так и должно быть. По-

том вспомнились бабушкины похороны, как продавали дачу – теперь я проводил все каникулы в каменных джунглях...

Ощущение покинутости не оставляло меня.

Всегда и всюду один. Я сам по себе, а родители сами по себе. Мы были настолько далеки, что им было все равно, как я учился, хотя учился я и хорошо.

«Да какие там дела в двенадцать лет?» – слышался мамин голос.

«Да это ерунда», – отмахивался отец, когда я пытался рассказать о ссоре с одноклассником.

Когда я был подростком, мы почти не разговаривали. Я чувствовал, что родители чужие мне и мы только делим одну жилплощадь, причем временно. Вечные срывы матери то на мне, то на отце. Вечные жалобы на нищенское существование да на меня бездельника, который не пошел учиться на многообещающие профессии. Например, сын Ольги хотел стать стоматологом, а еще чей-то сын собирался устроиться работать на таможню, а это очень денежные места. А я? Я всего лишь поддался на их же уговоры, что математика и физика для мальчиков, и пошел на информационные технологии «получать грошовую зарплату в НИИ».

Да и вообще, что бы я ни делал, чьи-то сыновья оказывались всегда лучше, проворней и смекалистей. Все уже работали, а я сидел на родительской шее. И кто-то наверняка позавидовал бы такой моей жизни, но...

Я завидовал тем, у кого сложились доверительные отно-

шения и была искренняя радость от общения с родителями, а не обязаловка позвонить им раз в неделю и сказать монотонным голосом: «У меня все хорошо». Ведь им без разницы, как у меня дела, эти звонки для галочки. Быть может, я несправедлив, они дали мне что могли, даже квартиру, доставшуюся невероятным трудом... Но лучше бы я снимал ее, чем слышал каждый раз упреки в свой адрес, что я на нее не заработал и живу в *их* квартире.

Возможно, родительская любовь странная, мне непонятная, но если она и существовала, то в отношении меня была не высказана, не реализована.

Я ее не чувствовал.

Родители давали мне все, что могли, растили, воспитывали, но будто из-под палки, будто я некая повинность, обязанность, от которой невозможно избавиться. Я не мог вспомнить ни одного радостного момента, проведенного с родителями. Не мог уловить невидимой пуповины, связывающей ребенка с матерью и отцом... Даже когда бабушка была жива и мы проводили время в деревне, мама вечно ругалась с ней, поэтому я уходил на улицу...

Но что конкретно я увидел в глазах отца?

«Или делаешь аборт, или мы расстаемся», – поставил он ультиматум матери, но не сдержал обещания. «Я сделаю аборт», – ответила мать. И тоже обманула.

В итоге я родился, а они не разошлись. Но лучше бы мать сделала аборт... Неужели только из-за отсутствия жилпло-

щади отец так настаивал на аборте? А мать так поддавалась влиянию собственных родителей? А потом вдруг посмотрела на подруг и решила, что она лучше их и у нее будет ребенок, и все устроится как надо.

Сегодняшний день стал поворотным в жизни. Нет ничего более пугающего и прекрасного, чем осознание правды. Пусть горькой, но необходимой. Теперь очевидно, почему меня не было в их жизни, а их в моей. Морально обосновать самому себе, отчего не надо видеться с родителями, оказалось легко. Виноват ли я в том, что я их сын? Конечно нет...

А они виноваты в том, что создали атмосферу отчуждения и напряженности, постоянной гонки то за деньгами, то за золотой медалью и красным дипломом, чтобы я смог стать «не хуже других и, возможно, выбиться в люди», чтобы не влачить жалкое существование подобно моему отцу, а как отец Лехи – ездить на шикарной машине, и вообще ни в чем себе не отказывать.

Так что и вспомнить нечего из прошлого кроме этой гонки на выживание и упреков в том, что я постоянно в ней отстающий...

Теперь семья казалась мне фикцией, красивой декорацией, чтобы вписаться в пресловутые «общественные рамки». Станный выбор образа жизни, когда люди мучают и себя, и ребенка...

Глава 7

Понедельник. Я бы рад не идти на работу, да не мог. Деньги необходимы, как воздух. Нет денег – ходи голодным. В прямом смысле этого слова. Борьба за каждую копейку разворачивалась каждый день, и ситуация с Юрой тому прямое подтверждение. У меня перед глазами все еще стояла та картинка – *Юра обводил мое имя, ставил стрелку вниз напротив и красноречиво убеждал Сергея в моей неспособности справиться с трудными задачами.* Сегодня Юру ждал сюрприз. В пятницу удалось хорошо поработать, настолько, что сегодня утром не осталось незавершенных задач.

Заходя в офис, я всегда испытывал двойственные чувства. С одной стороны, хотел казаться незаметным и скорее проскользнуть к своему рабочему месту, а с другой – неплохо было бы привлечь к себе внимание. Чтобы коллеги оборачивались, смотрели на меня с завистью и присвистывали, кивая головой. «Крутой парень, молодец, мне бы так», – с такими мыслями провожали бы они меня взглядом. Но теперь, учитывая все приключившееся со мной, быть на виду совсем не хотелось. Распухшие щека с носом привлекали внимание сослуживцев. Видимо, своих дел у них не было, вот они и глазели по сторонам в надежде найти тему для «утренних диалогов». Я ощущал взгляды коллег, но никто так и не решился подойти ко мне. Но кому, как не Юре начать разговор?

– Даниил, привет! Что случилось?

– Упал, очнулся, синяк, – брякнул я, даже не взглянув в его сторону, и занял свое рабочее место, повернувшись к начальнику спиной.

На том разговор и закончился. А потом Юра прислал мне новую задачу, причем очень сложную, для решения которой требовалось знание как минимум еще одного языка программирования, которым я не владел. И сроки поставил сжатые – неделю. Если не справлюсь, то будет повод сделать выговор и лишит премии, а если справлюсь, то он придумает что-нибудь еще.

Пока я парил в полной прострации, народ в офисе ожилился. То ли пришли клиенты, то ли новые сотрудники... или сегодня опять кто-то увольнялся. Словно в помещение хлынул энергетический поток небывалой силы, наэлектризовав воздух. Офисный планктон занервничал, заметался, изображая активную деятельность. Скосившись, я краем глаза оглядел «родные пенаты» и сильно удивился: на одних лицах читалось любопытство, на других – удивление. А еще несколько человек буквально светились от счастья.

Группа маркетологов, занимавшая ряд впереди меня, собралась в кружок. Они что-то обсуждали шепотом, но отдельные фразы я все же разобрал:

– ...Офигенная, скажи?

– ...Да, крутая телка...

– ...Интересно, откуда у нее такой забавный выговор?..

– ...Отчитываться каждый вечер – перебор, с Мариной было проще...

– ...хочет новый медиа-план...

– ...И новый ролик. Этот назвала «дерьмом», хотя Мари- не все нравилось...

Потихоньку маркетологи разбрелись по своим местам. Кого они обсуждали? Неважно. Мое дело работать, и я буду стремиться, чтобы меня оценили по достоинству. Холодный расчет подсказал единственно правильное решение – написать электронное письмо Сергею с простым вопросом: уполномочен ли ведущий программист ставить задачи, частично адресованные не мне, а другим специалистам. В мои должностные обязанности не входило использование языка программирования, который требовался для выполнения этой новой задачи. Быстро его осваивать не входило в мои планы, и неразумно с точки зрения компании заставлять сотрудников заниматься самообразованием в рабочее время, если это заранее не оговорено. Компания рисковала потратить много денег впустую.

Однако я все же получил задание. Либо это самоуправство Юры, которое быстро откроется, обратись я к Сергею с вопросом, либо это продуманный шаг со стороны Сергея и Юры ради того, чтобы меня уволить. Первый вариант я отсе- к, как наименее правдоподобный, а вот второй... Что ж, если они действительно хотят моего увольнения, то выбра- ли странный путь, не проще ли вызвать в кабинет и попро-

сдать заявление по собственному желанию? Контора частная, что хочу, то и творю. Необходимо было разобраться в ситуации, и я написал электронное письмо, что являлось официальным и даже юридическим документом. В письме Сергею я обращался к нему как к винтику, который должен отвечать и реагировать на происходящее с точки зрения интересов компании, а не личных прихотей и амбиций. В поле «копия», я вставил электронный адрес Юры, чтобы тот понимал – сдаваться я не намерен. Более того, в мои планы не входило хвататься за исполнение этой задачи.

Пришло сообщение, что электронное письмо успешно отправлено. Теперь самое время пройтись на кухню, принять чашку чая. Работа на дому была бы куда более спокойной – ни сплетен, ни чаепитий, ни отвлечений на пустую болтовню. Однако стоило добиться повышения, а потом с чистой совестью уходить из мира офисного в мир виртуальный.

Из кухни доносились голоса, причем один – женский – был мне не знаком. Незнакомка весьма эмоционально описывала какой-то заграничный город. Собеседники задавали вопросы, а потом охали – то ли удивлялись, то ли восхищались, то ли завидовали.

Я в нерешительности остановился на пороге и, когда разговор на мгновение смолк, вошел. Наверно, стоило поприветствовать коллег, но мне это в голову даже не пришло. Хотя корпоративная культура, скопированная у «запада» при участии одной известной консалтинговой компании, помо-

гавшей вывести бизнес на новый уровень, быстро прижилась. В офисе все были сама любезность, а секретари будто надели маску с улыбкой. Но будучи далеко не самым общительным, мне пока успешно удавалось избегать формальностей идеального коллектива. Я быстро и решительно проследовал к столику, где стояли заварочные чайники.

За большим обеденным столом сидели четверо. При моем появлении они слегка напряглись. Все, кроме незнакомки. Взгляд мельком... Светло-русые, вьющиеся волосы, голубые глаза, правильный овал лица. Обычная девчонка. Но было в ней что-то притягательное...

У меня возникло желание повернуться к ней, рассмотреть. Оно становилось все сильнее по мере того, как я наполнял чашку. Остальные молчали, наблюдая за мной. Кажется, я зашел слишком далеко... Вспомнилась сразу ситуация с одной пиарщицей, которая была крайне недовольна тем, что кто-то с ней не поздоровался. Зарубежные консультанты неожиданно здорово промыли мозги и руководству, и многим рядовым служащим. Учтивость, вежливость, вот это все напускное и неискреннее, прививались каждому новому сотруднику. Это стало местным сводом правил, который я терпеть не мог, и сейчас вел себя вразрез с корпоративной этикой.

За спиной слышались смешки, коллеги наверняка переглядывались, а незнакомка рассмеялась. Мне стало неудобно. Неужели они смеялись надо мной?

– Очень приятно, Софья, – прервала молчание незнакомка.

Да, наверное, я должен был поздороваться первым. Она же новенькая. Спиной я ощущал ее пристальный взгляд.

– Даниил – это Софья, Софья – это Даниил, – подхватил эстафету наш системный администратор. Все громко засмеялись. И почему они смеются?

Не в силах более терпеть, я обернулся. Четверка коллег, среди которых новенькая Софья.

Удивительно – первый день в офисе, а она уже болтала с ними, словно проработала здесь много лет.

Первое впечатление меня не подвело – Софья притягивала к себе с первого взгляда. Женщина божественной, утонченной красоты предстала перед моим взором, но... Что может быть у нее за душой? Как показывала практика на примере Кати, даже дурочки с виду бывают жестоки. Холодок пробежал по телу. Я испугался, что Софья не та, за кого себя выдает. Но заглянуть в ее глаза оказалось выше моих сил, и я лишь скользнул взором по ее лику. Идеал.

На секунду у меня захватило дыхание. Видимо, об этой Софье говорил Дмитрий Михайлович при прощании с Мариной. А раз так, то значит, она новый директор по маркетингу, и, скорее всего, маркетологи обсуждали именно ее. «...Отчитываться каждый вечер – перебор... с Мариной было проще...» – вспомнил я одну из услышанных фраз. Что же она за фрукт такой?

Видимо, выглядел я глупо. Моя театральная пауза застала всех врасплох. Неловкое молчание и ожидание каких-то действий с моей стороны. Софья тоже молчала. Синяки и ссадины на моей физиономии, должно быть, привлекли всеобщее внимание.

– Очень приятно. Даниил, – промямлил я, опустив взгляд. Соблазн заглянуть в душу Софьи стал невыносим. – Вы, должно быть, наш новый директор по маркетингу?

– Да, – в голосе звучал неподдельный интерес. – А вы?

– Отдел разработки. Пишу на JavaScript и PHP.

– Интересно. И давно вы здесь?

– Лет семь.

– Прилично... Да пейте чай, а то остынет. И присаживайтесь, место еще есть. – Кажется, Софья потеряла интерес к коллегам, и они, почувствовав это, нервно заерзали. Сисадмин ушел под каким-то глупым предлогом, еще двое почти сразу последовали за ним. Мы с Софьей остались наедине. Я все еще стоял с кружкой в руках, не зная, что делать, словно загипнотизированный.

– Спасибо... Но... пойду, пожалуй.

– Курите?.. Хотя навряд ли... Нет, вы точно не курите, я права?

– Правы.

– Жаль, хотелось ошибиться, – она грустно вздохнула. – Скучно, когда все время оказываешься права. – Прозвучало почти как заклинание. Холодок пробежал у меня по спине,

руки вспотели, то ли от чая, то ли от напряжения. И только сейчас я расслышал едва уловимый акцент в ее голосе. Без сомнений, русский для нее родной язык, но откуда этот странный выговор?

Я вышел, не взглянув на нее и не сказав больше ни слова. Общество Софьи... пьянило меня.

Очарованный, я забыл даже про письмо, отправленное Сергею, однако тот быстро отреагировал, написав всего одно слово: «Зайди». Письмо адресовано только мне, никто в копии не стоял. Значит, Юра в неведении.

Когда я вошел в кабинет, Сергей с серьезным видом стучал по клавиатуре, демонстрируя, что полностью сосредоточен на работе, – пример подчиненному, пришедшему на ковер.

– Садись, – бросил он, «заметив» меня. Я расположился в кресле перед столом, буравя взглядом пол. Почему Сергей вызвал только меня? Заговор очевиден.

Однако подобная мысль казалась мне смешной и нелепой до абсурдности. А потом закралось зерно сомнения. Да, пусть они – негодяи. Но не станут же они стовариваться каждый раз, когда такие, как я, взбрыкнут? Вряд ли.

– Ты слышишь меня?! Ау! – Сергей был слегка озадачен моим молчанием.

– Простите, задумался.

– Отлично, – в его голосе звучала издевка. – Перейдем к делу. Ты меня хорошо слышишь? А то взгляд витает где-то...

– Слушаю внимательно.

Сергей с сомнением прищурился, но все же начал свой монолог.

– Когда программисту дают сложное интересное задание – это удача... Удача вдвойне, когда сотруднику дают возможность при выполнении задания повысить квалификацию, да еще и за счет компании. Конечно, никто не ожидает от тебя слишком качественного и быстрого выполнения задания. Однако то, что тебе поручили такую работу, говорит о том, что тебе доверяют и дают шанс подняться на новую ступень. Так что твоя реакция, мягко говоря, мне непонятна. Ты копаешь под своего непосредственного начальника, обвиняя его в некомпетенции при работе с кадрами и указывая на свой договор... Если ты не в курсе, любой договор можно переписать, было бы желание. Мне, как работодателю, важно видеть людей с горящими глазами, важно, чтобы работу выполняли не роботы с одной программой и автоматически отключающиеся после восьми часов работы. Мне нужны сотрудники, любящие свое дело и жаждущие новых знаний. Иначе компания не будет развиваться, а мы будем топтаться на месте. В нашей конкурентной среде это всегда потеря клиентуры и в конечном итоге убытки... Я очень разочарован твоим письмом. Ты так круто начал работать в эти последние дни, что я поручил Юре дать тебе новую, сложную задачу. Ты хороший программист, долго тут работаешь, и я подумал, что ты взялся за ум... наконец-то! Но, похоже, я

ошибся!.. Тобой движет уязвленное эго. И дело не в должности, не в том, чтобы убрать отсюда Юру, а в знаниях и любви к тому, что ты делаешь. Юра на своем месте, а вот на своем месте ли ты? – тут он вопросительно посмотрел на меня, язвительно прищурившись, словно оценивая меня. Будто я и не человек вовсе.

Кровь прилила к лицу. Как ловко все он перевернул, подумать только! Голова шла кругом. Я был на грани увольнения, и теперь все мысли спутались. Ручка кресла впивалась в руку, рубашка прилипла к спине. Вероятно, я изверг добротную дозу пота, и Сергей, почуяв запах, откинулся назад.

– Ладно, – снисходительно усмехнулся он. – Подумай над тем, что я сказал. Каждый имеет право на ошибку. Давай поговорим через неделю. Надеюсь услышать от тебя внятный ответ на поставленный вопрос. Если тебя что-то не устраивает, например, в Юре... я готов это обсудить. Ты вообще можешь подходить ко мне с любым вопросом. Мне очень важно, чтобы все сотрудники, без исключения, чувствовали себя комфортно. – Последнюю фразу Сергей произнес с чувственным придыханием, словно говорил о любимой женщине.

Я кивнул и вышел.

«Тобой движет уязвленное эго».

Невероятно, как можно так переиначивать суть? Но двигало ли мной эго или я всего лишь боролся за справедливость, пытаясь пресечь наглую попытку Юры меня уничто-

жить? М-да... А образ идеального работника, гнущего спину ради чужого кошелька, меня от души позабавил. Вот оно – воплощение жадности собственника. Ему мало денег, ему нужна власть, заискивающие, полные согласия и обожания взгляды. Увы, я не такой, как Юра, я не готов наигранно улыбаться и пить за процветание компании на каждом корпоративе, горланя любимые песни начальства. Извиняйте.

Однако проблему, вставшую передо мной, я так и не решил.

Я отбросил попытки понять, почему все началось именно сейчас, перестал думать о том, какую роль в разговоре с Сергеем сыграл Юра, но как ни пытался, не мог успокоиться. Задача поставлена, и если я готов к увольнению, то вполне разумно послать начальство, а если не готов, то придется потрудиться... хотя бы для того, чтобы утереть ему нос.

Так как же мне поступить? К увольнению я готов не был. По крайней мере сейчас. Пришлось взяться за работу. Хотя было противно. Внутри все кипело, но я сидел тихо и молча...

Остаток дня я провел за работой. Поставленная передо мной задача резко выбивалась из того, что я привык делать, и требовала вдумчивых и нестандартных решений. Для того чтобы выполнить ее, нужно было полностью погрузиться в процесс, а еще иметь холодную голову. Мимолетные разговоры, телефонные звонки, болтовня – все меня отвлекало. К концу рабочего дня я не продвинулся ни на шаг...

И главной виновницей этого стала Софья. Давно я не ощущал себя так скованно в присутствии женщины. Я не мог понять, что со мной происходило. Чем больше пытался не думать о ней, тем настойчивей ее милое лицо возникало вновь и вновь передо мной. Пытаясь бороться с наваждением, я усилием воли заставлял себя сосредоточиться на работе. Попытки оказались тщетными – Софья заняла все мои мысли. Откинувшись в своем крохотном кресле, я вытянул ноги, прикрыл глаза и погрузился в то, что можно было бы назвать мечтами. Именно мечтами, ведь вряд ли Софья будет когда-нибудь со мной. Она казалась неприступной, желанной, близкой и безгранично далекой одновременно.

Мы держались за руки и медленно прогуливались вдоль набережной. Место показалось мне знакомым. Наверное, это где-то в центре, но я не был уверен. Солнце ярко светило, ветер раздувал ее волосы. Она улыбалась и смотрела мне прямо в глаза, и я тоже смотрел и ни капельки не боялся. Я не смог увидеть ничего, что бы ее очернило. Передо мною стоял ангел, чистый душой во всей своей первозданной красоте. Мы остановились, и я, робея, коснулся губами ее губ. А потом наша близость раскрепостила меня. Сперва легким движением я привлек ее к себе еще ближе, обхватил одной рукой талию, а другую запустил в развивающиеся локоны. Ее тонкое тело уместилось внутри моих объятий, поддалось зову любви...

Хотелось продлить этот момент как можно дольше, но

кто-то, проходя сзади, слегка меня задел, вывел из состояния полудремы.

Видение рассеялось, и я вновь оказался перед монитором. Курсор настойчиво мигал, говоря, что я пока не написал и строчки кода. И вдруг вся работа превратилась в инструмент, чтобы оказаться ближе к Софье. Твердое решение ходить на работу до тех пор, пока Софья не станет моей, было принято в трезвом уме и твердой памяти. К черту Сергея, Юру, их «идеи» и представления об идеальных работниках. Я готов был забыть про самолюбие и прогнуться под систему, лишь бы заглянуть в глаза Софьи, лишь бы коснуться кожи, лишь бы почувствовать ее дыхание, ощутить биение ее сердца. Безумие охватило меня...

И сомнение. Что там спрятано за голубизной ее глаз? Вечером, лежа один на своем раскладном диване, я жаждал ее. Мысленно рисовал нашу встречу здесь, в этой крохотной квартире. Что же должно произойти такого, чтобы мое желание исполнилось? Она директор, работала за границей, долго там жила... Непрístupная, желанная... А я всего лишь рядовой программист с однокомнатной квартирой и диваном из «Икеи».

Я не спал в ту ночь – мысли, словно пчелы, роились в голове, мешая уснуть.

Когда мы сядем за стол широкий,
Когда мы сменим рюмки на стаканы,

Я расскажу про жизнь свою былую,
Про ночи долгие да громкие песни.
Про тень скамеек на пустых дорогах,
Про одиночество ночного ливня,
Как мы сидели с ним и пили вдоволь,
Чтоб, как и все, найти смысл в жизни!

«Пилот». Одиночество

Часть 2

Проклятие

Глава 1

Туман забвения, в котором я дрейфовала около ста лет, рассеялся. Узнав новость о грядущем солнечном затмении в Москве, я ожила. Неужели это произойдет снова? Я словно родилась заново. Прежде со мной ничего подобного не бывало. Увидеть затмение в Москве превратилось в навязчивую идею уже давно. Казалось, этого никогда больше не случится и моя жизнь или, вернее, существование так и останется бесцельным. Когда-то давно я уже наблюдала его, именно там, в Москве, среди берез и белых стен, в кругу близких по духу людей. А теперь я совсем одна, и пусть в этот раз я стану наблюдать затмение в полном одиночестве, но зато оно подарит... должно подарить... я в это верю, то, чего мне так не доставало все эти годы. Что ж, как говорят в России, клин клином вышибают. Возможно, повторение прошлого опыта поможет вернуться на круги своя. И какое совпадение: я скоро увольняюсь и уже ищу работу в Москве.

Губы сложились в улыбку. Мысленно я прыгала, визжа от радости, и впервые за последние сто лет выпила в состоянии

веселья, а не от скуки, пытаюсь победить депрессию.

В тот же день я сдула пыль с книг по русскому языку и решила освежить в памяти его нюансы. Хотя я и старалась не забывать родную речь, читать книги, смотреть фильмы и слушать песни, что стало возможно с развитием интернета, но язык давался с трудом. Орфография сильно изменилась, да и лексика тоже. Мой разговорный русский сильно хромал. Я не посещала Россию с 1918 года. В условиях железного занавеса спасали русские землячества. Но и там язык окостенел, был не живым, вдали от родины превратившись в своего рода суржик – смесь литературного высокого штиля с местными языками. Эмигранты смешивали русский с языками романской группы, и давалось им это весьма и весьма легко, учитывая, что дворянство, которое уехало из России, было в высшей степени образованным.

Странно, но воспоминания о прошлом вдруг нахлынули, разрушив нежданную радость от новости о приближающемся затмении.

Помню, в 30-х годах я читала газету, где при написании текстов использовали старые нормы орфографии. Бежавшее от большевиков дворянство строило собственный мирок, убегая все дальше не только от родины, но и от реальности бытия. Царство надежд и ностальгии среди стареющих дворянок пришлось мне по вкусу. Русская богема разделилась на два лагеря. Одни держались особняком и вели себя, как истинные патриоты, другие же сливались с мест-

ными и не желали общаться с русской диаспорой. Именно со второй группой я и связала свою жизнь после побега из России, охваченной красным пожаром. Хотя все равно: от себя и своих корней не уйдешь, но на время забыться, раствориться в праздной жизни Парижа или Берлина, сбежать от насущных проблем хотелось многим.

Свою истинную историю я научилась прятать, слагая легенды одна краше другой. Для общества русских эмигрантов я была девочкой-сиротой, лишившейся семьи во время налета обезумевшего отребья. Чудом осталась жива. Играла в саду. Заслышав выстрелы, укрылась в кустах, а потом нашла приют в храме – оставаться там долго было нельзя, священников убивали так же жестоко, как и дворян. После, благодаря другу семьи, который меня вовремя отыскал и спас, мне с группой проверенных людей помогли перебраться вначале в Германию, а потом и во Францию, где я растрчивала молодые годы, работая музой для поэтов-эмигрантов, а в качестве хобби подрабатывая стенографисткой. Именно так, а не иначе... Мне верили все, без исключения. Я стала всеобщей любимицей.

За столько лет, проведенных на Земле, я превратилась в истинного космополита. Хоть я и родилась в Москве, но уже не считала себя русской, а если и считала, то лишь в глубине души. Язык развивался, города строились, менялась и я, понимая, что в новой России уже чужая. Разрыв поколений между мной и современными людьми казался столь огром-

ным, что принять меня в свою компанию россияне наших дней вряд ли бы отважились, знай они, сколько мне лет на самом деле. Можно ли считать себя русской, если в России меня воспринимали как иностранку? А среди эмиграции я легко затерялась, смешивая в суржике два-три языка, но и в этой среде Малой России я порой чувствовала себя лишней, когда начинались разговоры о судьбе нашей родины. Моя Россия давно исчезла, и то новое, гигантское государство, то Империя, то Советский Союз, то Российская Федерация, не имело ко мне уже никакого отношения. Годы, проведенные за границей, новые языки, иная культура, образ жизни – все изменило меня, и оставило прежней одновременно, но помогло понять одну вещь: русских, до мозга костей дворян, убивали бессилие и потеря основ, которые раньше казались совершенно незыблемыми. Кого-то спасала вера в Бога, кто-то пытался найти родственников царя и верил, что монархия однажды вернется в Россию, а кто-то брал оружие и воевал на стороне фашистов, борясь с ненавистным красным режимом.

В мире кипели страсти, а я наслаждалась одиночеством, старалась не замечать изменений ни в политике, ни в экономике. Мне было все равно. Даже если мировая война уничтожит всех людей на свете, я все равно останусь, ведь я бессмертная.

Порой мне казалось, что бессмертие – спасение человечества от полного уничтожения. Да, когда-нибудь мы начнем

все сначала, с пещер и охоты, кочевого образа жизни и диких верований в богов солнца и ветра, но мы возродимся. А я порой ощущала себя всего лишь машиной для рождения детей. Сколько их у меня было? Однажды я сбилась со счета и зареклась, что детей у меня никогда больше не будет. Тяжело видеть, как они старились и умирали. Позже я уж и не наблюдала за их судьбами. Чтобы не мучить себя, сбегала, оставляя отца с малюткой, или определяла ребенка в приют.

А сейчас все опять изменилось. Отбросив воспоминания, я обнаружила на календаре 2013 год. Я жила в Сингапуре. Работа отвлекала от депрессий, хотя алкоголь тоже помогал. Мое преимущество перед смертными в том, что я не умираю от передозировок и цирроза печени. Удачно сложилось, не правда ли? Если алкоголику сказать: «Пей сколько хочешь, алкоголь не убьет тебя», вначале он и вправду будет пить до белой горячки, до потери памяти, до изнеможения. Но однажды все это закончится. Однажды он проснется и не сможет вспомнить даже своего имени, даты, он просто потеряет себя. Быть постоянно живым, пьяным и полностью отрешенным от мира не выйдет даже у бессмертных. И со мной произошло именно это. Не смогла. Каждый раз, вынырнув из дурманящей пелены алкоголя, я смотрела в зеркало, а оттуда на меня взирала все та же юная, одинокая, никому не нужная, забытая, проклятая всеми прекрасная молодая женщина. Неужели это я? Сколько бы ни было выпито, убежать от себя самой не получалось. Я могла проснуться и не помнить,

с кем спала эту ночь, в каком городе и стране находилась, какой нынче год. Как-то раз, кстати, совсем недавно (по человеческим меркам лет двадцать назад), я обнаружила, что из моей памяти стерлось целых десять последних лет. Что я делала все это время? Спала? Пребывала в постоянном запое? Скорее всего, и то и другое. Я жила в притоне и платила натурой за еду и выпивку. От заболеваний, передающихся половым путем, смерть мне не грозила. Кажется, ничто на свете не способно меня убить.

Как странно устроен мир. Тысячи людей умирали от алкоголя и наркотиков, от рака и СПИДа. А что я? Вливая в себя все прелести XX века с ЛСД, героином, беспорядочными сексуальными контактами и декалитрами алкоголя – я не могла умереть, хотя иногда желала смерти. Я испробовала все способы – от банального повешения до самосожжения, от вскрытия вен до заражения СПИДом. Итог: на улице 2013 год от Рождества Христова; я работаю маркетологом в Сингапуре и нервно ищу работу в Москве, наивно полагая, что солнечное затмение вновь сделает меня смертной.

Уже давно моя жизнь, а точнее, жалкое земное существование превратилось в погоню за смертью. Только вот ныне эта погоня стала понятием абстрактным. В глубине души я боялась смерти, хотя знала, что бессмертна. За те долгие пятьсот лет, что я скитаюсь по планете, со мной происходило много всякого, в том числе и смерть, иногда случайная, иногда на грани суицида. Но я воскресала вновь и вновь, чтобы

каждый раз сыграть новую роль. То я была женой, то – любовницей, то – падшей женщиной, то – бродяжкой. Скучно *до смерти...*

Мой организм забавная штукавина. Всякий раз он позволяет «умереть», и всегда кажется, что это конец. Но нет. Если я заражалась какой-то болезнью, все симптомы заболевания начинали проявляться, как у обычного человека. Зная особенности своего организма, я уходила подальше в лес, чтобы никому не мешать и, проходя тропой Лазаря, не пугать добропорядочных граждан.

В тот момент, когда у обычного человека наступила бы смерть, я просто проваливалась в глубокий, летаргический сон на несколько дней. За это время организм полностью восстанавливался, убирая все лишнее или, наоборот, наращивая недостающее. То есть, если я «умерла» от чумы, сифилиса, СПИДа, лихорадки Эбола, то во время сна все, что послужило его причиной (бактерии, вирусы), самоуничтожалось, организм сам запускал сердце, и я вновь чувствовала себя превосходно. Если меня переехала машина, мне отрубили голову, я порезала себе вены или меня сожгли на костре – сценарий возвращения к жизни был примерно такой же. Я, видимо, тоже впадала в сон, но на этот раз внетелесный, потому что часто от тела мало что оставалось. Мои останки практически сразу начинали самовосстанавливаться. Кости срастались, обрастали мышцами, сухожилиями, кожей, недостающие части тела вырастали вновь (даже голова), пе-

пел соединялся, становясь постепенно скелетом. Ну а после скелет обрастал всем необходимым.

Однако самое неожиданное оставалось на десерт. Воскрешение. По неизвестным мне причинам новое тело перемещалось, и я оживала в совершенно другом месте, тогда как на смертном одре оставались уже чужие останки, что когда-то были мною одухотворены. Неведомая сила каждый раз переносила меня или в чашу, или в заброшенный дом, или в другое труднодоступное для большинства людей место. Одним словом, она спасала меня от нежданного погребения «заживо» или заточения в темницу. Таким образом, я всегда оказывалась неуязвимой для преследователей и недоброжелателей, коих за долгую жизнь повстречала немало. Я удивлялась, насколько до мелочей было продумано мое бессмертие. Будто предвидя все перипетии от невозможности умереть, невидимый инженер составил идеальную схему вечного существования, позволяющую легко уходить от любых неприятностей и, главное, оставаться безнаказанной. Не беда, что меня похоронили – в гробу я все равно не останусь, не беда, что заперли в кандалы и пытали до смерти – «побег» из самых закрытых подземелий уже обеспечен.

С другой стороны, воскрешение в совершенно незнакомом месте поначалу обескураживало, и я не сразу поняла всю мудрость и великое спасение стоящего за перемещением. В новом месте легче начать новую жизнь с той же самой внешностью, хоть и будет поначалу тяжело, особенно если

это другая страна. Так продолжалось до поры до времени, пока технический прогресс буксовал. Но в XX веке мое положение значительно ухудшилось.

Как я ни старалась, неординарные особенности моего организма не могли остаться незамеченными. Я стала объектом охоты спецслужб самых разных стран мира. Конечно, меня поймали, провели не один опыт, но никто из «высоколобых» вояк так и не смог объяснить мой феномен. Они убивали меня изощренными способами: морили голодом, жаждой, не давали спать, пытали, били током, вешали и оставляли на несколько дней, думая, что таким образом процесс воскрешения в новом теле не сможет начаться. Да, они уже знали, что я могла «сбегать», когда начали принудительно исследовать. Но ни один их метод не срабатывал, и они находили меня вновь. Витки смертей и воскрешений продолжались. Спецслужбы уже заранее готовились меня искать после очередной смерти и впоследствии намеренно умерщвляли, чтобы понять логику в расположении мест моих воскрешений. Удалось ли им это сделать или нет, мне неизвестно. Однако в итоге перед исследователями встал резонный вопрос: а что со мной делать?

Думал ли кто-то из этих толстокожих мужчин и женщин обо мне, о моих чувствах и о том, что ради всего человечества мне приходилось переживать, постоянно умирая? Вряд ли. Единственное, что не позволило сойти с ума от бесконечных смертей, – это уверенность в скорейшем воскрешении и

вера в то, что все рано или поздно кончается. . . кроме жизни, даже если для живых я мертва. Мое прошлое, в котором были увлечения разными религиями, давало психологическую устойчивость, не позволяя пасть, превратившись в лакомый кусочек для сильных мира сего. В конце концов очередное поколение агентов спецслужб (они менялись всякий раз при смене руководства) сдалось и предложило мне выбор: либо я остаюсь жить в лаборатории на секретном объекте, где меня обеспечат всем необходимым для полноценной жизни, в той мере, в какой спецслужбы ее себе представляли, либо я покидаю лабораторию, мне делают паспорта, обновляют их по мере необходимости и не вмешиваются явно в мою жизнь, но слежка за мной будет постоянной, и в случае необходимости я в любой момент должна быть готовой сдать анализы или лечь в клинику. А плата за такую свободу – работа на спецслужбе. При выборе второго варианта мне предложили в добровольно-принудительном порядке подписать бумагу о неразглашении своей тайны. Это означало, что я никому и никогда не должна демонстрировать собственное бессмертие. Мотивировка вполне логичная – чтобы не дать использовать мой потенциал во вред человечеству.

Какое-то время я жила в лаборатории, но потом не вынесла однообразия и попросилась в мир людей. И если раньше я жила сама по себе, перебежками спасаясь от разъяренной толпы, взбешенных любовников и охотников на ведьм, то теперь я просто стала объектом постоянного наблюдения и не

могла никуда скрыться. Спецслужбы XX, а теперь и XXI века действительно не вмешивались в мою «жизнь», спокойно позволяя продавать тело за бутылку джина. Бывало, спасали после ненужных мне похорон, и я просыпалась в лаборатории, а потом снова «шла в народ», пытаясь хоть как-то себя развлечь. Работать на спецслужбы тоже приходилось. Идеальная шахидка многократного использования. Но вспоминать об этой стороне жизни совсем не хотелось. Я предпочитала смотреть на себя, как на «обычную» женщину.

В соответствии с паспортом, который был сейчас на руках, меня звали Sophia Katherine Stokes, и я являлась гражданкой Новой Зеландии. Выбор имени был легким. Наверно, это единственное, с чем было меньше всего проблем – мое имя при рождении Софья, маму звали Екатерина, а фамилия Пожарская. Все остальное в паспорте было ложью. Осознавая, что моя внешность позволяла ходить с этим паспортом еще лет десять-двенадцать, я, не теряя времени, поступила в университет, стала дипломированным рекламщиком и начала карьеру в Силиконовой долине, потом перебралась в Париж, а оттуда махнула в Сингапур. Для меня этот виток стал попыткой развлечься на фоне алкогольного угара.

Возвращение в Москву представлялось самым волнительным событием за последнее столетие. Но оно того стоило.

Глава 2

Подобно смертельно больному человеку, который использует любую возможность отсрочить последний вздох, я цеплялась за каждый шанс, который мог даровать мне возможность умереть. Мои кураторы прекрасно знали о заветной мечте и никак ей не препятствовали. Им тоже было интересно, смогу ли я отправиться в мир иной. Если честно, я так и не поняла, почему из меня не сделали машину-убийцу. Должно быть, существовала некая международная договоренность на мой счет, в суть которой меня, естественно, не посвящали. Являлась ли я ключом к эликсиру бессмертия или к чему-то еще, мало волновало моих кураторов. Для меня же главным стало то, что мне дали свободу, пусть и мнимую...

Путь в Москву начался с оформления российского паспорта. Теперь меня звали Софья Ивановна Пожарская. Впервые за почти четыреста семьдесят лет я смогла смело называть свое настоящее имя. По легенде я родилась и выросла в США, в семье советских

дипломатов. Жила на территории советского посольства, потом с родителями переехала во Францию, а после окончания холодной войны вернулась в Америку, где получила образование, потом работала в Силиконовой долине, Париже, Сингапуре, и вот потянуло на историческую родину. Роди-

тели осели в Москве, а любимая дочь хотела быть рядом с ними. Правдоподобно, да к тому же объясняло мой легкий акцент, ведь на русском языке я не говорила с начала Второй мировой.

Работать захотелось в российской компании. Для меня это звучало экзотично. Я и вправду не представляла себе, как устроен бизнес по-русски. Интересно, смог ли в Москве кто-нибудь построить компанию наподобие тех, что существуют в Силиконовой долине или в том же Сингапуре? Отличается ли чем-то деловой мир современной России от азиатского или западного?

Тем не менее я собиралась работать в Москве, хотя знала только устройство западных компаний. Выход из зоны комфорта всегда идет на пользу, хотя, учитывая весь мой жизненный опыт, я бы освоилась даже на Марсе. Очертив круг компаний, интересных мне на рынке, я сразу отбросила российские представительства транснациональных корпораций. Выбор пал на IT-сектор и только на чисто российские компании. Зная, что математики и программисты сильны в России, стоило ожидать действительно интересной работы.

Я отправила резюме на несколько вакансий, из интереса и... страдая от ностальгии.

Родившись в Москве, я никого не знала в этом городе. Он для меня был таким же чужим, как и вся остальная Земля. Каждый раз с очередной сменой паспорта я примеряла новую легенду, становясь истинным космополитом. Ложь ста-

ла для меня вторым «я». Лишенная прошлого, я металась из страны в страну, словно неприкаянная. Да я такой и была. Что же сейчас изменилось? Я удивлялась сама себе, но мысль о том, что стоит умереть там, где родилась, казалась мне чертовски романтической. Так и должно быть. Прямо как в кино или бульварном романе, на которые очень смахивала моя жизнь. Представители спецслужб смогли мне поверить, только когда я несколько десятков раз воскресла, а что уж говорить об обычных людях. Итак, следуя логике своей исключительно абсурдной и не поддающейся пониманию жизни, мой путь лежал туда, где я когда-то родилась.

Мне хотелось пойти на собеседования, если позовут, а если нет, то хотя бы просто пообщаться с людьми на языке, который является мне родным, посмотреть, сохранилось ли что-нибудь с тех далеких времен, да хотя бы с начала XX века, посетить могилу любимого и мысленно сказать: «Я приближаю нашу встречу, как могу, скоро мы встретимся, обещаю...» Нет, обещать я не могла. Я не знала, когда я умру, и умру ли вообще. Быть может, моя Аннушка уже разлила масло...

Собеседования могли мне действительно пригодиться с практической точки зрения, но так как надежда на скорое избавление от земных оков не оставляла, то мое отношение к ним было, как к еще одному развлечению.

«Ах, как это завораживает! – пыталась приободрить я себя. – Сколько новых лиц, новых встреч, сколько всего

необычного меня ждет!..»

«Перестань, – отвечала я себе. – Ты столько лет топчешь землю и еще надеешься обнаружить что-то новое? Не смей свои тапочки, старушка. Люди все те же, что и тысячи лет назад. Новые технологии ты уже увидела, и Россия вовсе не та страна, где ты их найдешь, а ничего нового, кроме технологий, мир тебе не в состоянии предложить. Надейся на лучшее».

В итоге я получила приглашения на собеседования во все компании, куда отправила свое резюме. Кажется, всех сильно впечатлил мой опыт работы и нестандартный для обычного россиянина жизненный путь.

Билет в один конец был уже куплен, чемоданы упакованы. Я волновалась и не могла вспомнить, когда это чувство посетило меня последний раз.

Ровно через неделю в Москве будет солнечное затмение. Кажется, вспомнила...

Примерно так же я волновалась, когда увидела затмение впервые. Именно это явление, видимо, сотворило со мной то, что я так безуспешно пыталась исправить. Единственная правдоподобная версия обретения бессмертия – в затмении. Наблюдая его, я потеряла сознание, а потом, через месяц, когда вымерла почти вся деревня от неизвестной хвори, я умерла и впервые воскресла. То затмение я наблюдала, находясь на территории, где ныне раскинулась современная Москва. Как не забывается первый поцелуй и первый секс,

первое воскрешение забыть невозможно.

Великое Московское княжество, 1546 год. Мне тридцать три года. Когда-то я была обычной русской женщиной того времени, принадлежала к классу помещиков средней руки. Замужем с тринадцати лет, двое детей. Первый раз родила уже в четырнадцать, второй – в шестнадцать. А после мой благоверный уехал служить на Московских князей, и за некие его заслуги нам выделили поместье недалеко от Москвы, сейчас оказавшееся бы на территории разросшегося мегаполиса.

В XXI веке я изучала по интернету предложения по аренде квартир в Москве, и прошлое казалось выдуманным миром, причем настолько диким и невежественным, что не знаешь, то ли плакать, то ли смеяться.

Тогда вселенная для меня ограничивалась нашим поместьем, соседними поместьями, где я побывала в поисках мужа для дочери и жены для сына, да городком поблизости, куда мы изредка наведывались. Москву я не любила, потому что чувствовала себя там потерянной, чужой. Я умела читать и писать, но ничего кроме молитв не читала, а писала крайне редко, обычно мужу. Москвички же были слишком красивы, умели преподнести себя ловко, применяя белила, румяна и другую косметику тех времен. А все потому, что растили меня в скромности подальше от развратной и скверной Москвы, готовили стать идеальной женой идеальному мужу.

Весь распорядок дня – молитва, еда, дети (пока были ма-

ленькие, присматривала за ними вместе с кормилицей), пряжа, общение с соседками, точнее поиски суженых для детей, что в те дни было делом крайне ответственным и важным. Девочку можно было выдавать замуж с двенадцати лет, мальчика женить с пятнадцати, а договаривались о свадьбах заранее. Когда судьбы детей устроились, времени, конечно, прибавилось, а муж как не бывал дома раньше, так и после не баловал меня своим присутствием. Все в округе знали, что я в немилости у него по причине своей... ужасной фигуры. В то время женщина считалась красивой, если была в теле, а мне выпала доля остаться стройной даже после родов. За моей спиной судачили, что муж изменяет, разлюбил, – да кто ж такую-то полюбит! – и поэтому редко навещается домой.

Будучи недалеко от рождения, по-другому и не скажешь, хотя теперь с высоты моего возраста я понимаю, что была всего лишь порождением того времени и не могла мыслить по-другому ввиду отсутствия реального жизненного опыта, я постоянно ждала мужа, молилась о нем, о детках наших и, конечно, просила Господа послать мне лишний вес, чтобы муж полюбил еще крепче. Будь я смелее и чуть прозорливее, то в отсутствие мужа смогла бы найти себе кого-то другого, ведь многие на меня заглядывались, пусть и фигурой я не вышла, зато лицо затмевало красотой всех других женщин. Но я трусила. Боялась Бога, наказания, боялась, что меня сошлют в монастырь, лишат общения с детьми. И вот, пребывая в постоянном страхе, я усердно молилась, пытаюсь загла-

дить свои грехи, ибо считала себя большой грешницей за такие скверные мысли. Чем занимался муж в свое долгое отсутствие, страшно было подумать. Такие мысли я приравнивала к греху и молилась еще усердней. Ходила в церковь на богослужения, а дома продолжала воздавать молитвы Господу. Так продолжалось лет до двадцати семи, когда я случайно осознала, что повзрослела.

Говорили, что если выпивать стопочку натошак, то можно поправиться. Однако у меня ни после стопок, ни после молитв лишний вес не появился.

Помню, как-то в очередной раз осушив стакан, поморщившись, я со злости швырнула его в дверь и выругалась так громко, что прибежала служанка, осеняя крестным знамением себя и меня заодно. Я отправила ее на двор и запретила входить без разрешения.

Поползли слухи, что в меня вселились бесы. Я перестала пить натошак, стала уделять меньше времени молитве, стала горячей на руку и на словцо. Все мое существо восстало против сложившегося уклада жизни, против постоянного страха, против мужа, который уже в открытую сказал, что я ему не любя: «Или поправляйся, или пеняй на себя».

Так вот мне пенять на себя из-за своей природы точно не хотелось. Проблема заключалась в том, что у меня, как у женщины, прав практически не было. Меня словно вещь передали от отца мужу, причем мужу, которого я не видела до свадьбы. И что бы я ни сделала, виноватой оказывалась

я. Будущее в монастыре казалось вполне реальным. Тогдашняя я воспринимала подобное положение женщины, с одной стороны, нормальным, ведь другого не видела и не знала, что может быть иначе, а с другой стороны, хотелось чего-то большего, но чего, я тогда не могла сформулировать четко. Свободы? Но от чего или кого? Одна я бы не смогла прожить долго (деньги закончились бы, а в делах управления помещением я не смыслила), разве что стать продажной бабой, коих в Москве было много – стояли, держа колечко с бирюзой во рту, на рынках или шумных улицах, а мужики, да видно с деньгами, засматривались на них, и мой муж не был исключением. Боялся ли он церкви, что так строго блюла духовную жизнь народа? Блюсти-то она блюла, но со свечкой у каждой кровати не стояла, поэтому все церковные запреты и предписания обходили легко, да и сама церковь на многое закрывала глаза.

Неумение понять собственные чувства, невозможность дать определение своему положению и желаниям сыграли со мной злую шутку. Эх, были бы тогда психологи, но их тогда заменял батюшка в церкви...

Несмотря на слухи о мужниной измене и мои наблюдения на рынке, доказательств его неверности не было. Если бы были, то его бы отлучили от причастия на какое-то время, и «штраф» заплатил бы церкви. Ну, хоть так бы насолила ему...

Мое положение вынуждало либо спровадить супруга на

тот свет, что дало бы долгожданное избавление от семейного ига, либо подстроить измену. Ни то, ни другое сделать я не решалась, осознавая греховность подобных деяний, да и сами мысли о том были греховными. Но несмотря на бездействие, что-то изменилось во мне, но я не знала, что. Тучи незаметно сгущались. Я знала, что катилась вниз по наклонной и самое лучшее, что мне уготовано – монастырь.

Возможно, на мое восстание повлияли женофобские высказывания, которые я подслушивала не раз, когда к мужу заезжали его друзья по службе. Женщина считалась олицетворением греха, по крайней мере такая точка зрения присутствовала в обществе того времени. Соблазнительница, откусившая яблоко, змея в овечьей шкуре – и это лишь самые безобидные эпитеты, коими называли женщин. «Хорошая жена, есть ли такая вообще?» – задавалась вопросом компания, попивая горячительный напиток.

– ...Держать ее под замком, на люди только с мужем! Такая жена хороша! – доносилось до меня из-за двери.

– А слышали, жена Ивана сына Кириллова, пока он в Москве по делам или в походе, имением управляет. Ключника выгнала, сама взяла все в руки и давай холопами помыкать. Ух, говорят, злая бабенка!.. А твоя может такое учинить?

– Нет, моя не такая, да и холопов-то видела только издалека, – отвечал муж, не скрывая гордости за меня, – сидит дома, молитвы читает. Я наказал ей поправиться, вот она и

молится, и стопочки пьет по утрам. Хорошая у меня жена, правильная.

А потом я твердо решила, что лучше жить в вечной молитве, чем притворяться благочестивой женой перед мужем, который изменял направо и налево да хвастался мною перед другими, как очередным хорошим холопом. Управлять имением как чья-то жена? Я не знала, как управлять, и не знала даже, как к этому подступиться. Даже как уволить ключника нашего не ведала. И выбрала для себя путь наименьшего сопротивления.

Единственное, о чем болела душа, – дети. Но и они будут устроены. Дочь скоро выйдет замуж, сын отправится по стопам отца на военную службу и тоже женится. А моя участь сводилась к стопочкам натошак и одиночеству в горнице или светлице, к ненавистной пряже, к пустым разговорам с прислугой и к бесконечным молитвам.

Бунтарская часть моего «я» задавала глупые и неуместные вопросы: «Почему мне не дали выбора, когда я выходила замуж?.. Почему я обязана молиться, хоть это и не приносит пользы?.. Почему моя жизнь такая, какая есть?.. Неужели нет другой, более красивой и интересной?.. Почему я должна расплачиваться за то, какой родилась?.. Почему стройная женщина не может считаться красивой и здоровой?»

Я поделилась своими сомнениями с батюшкой, и лучше бы я этого не делала.

– Надобно молиться еще усердней, потому что твои во-

просы от дьявола. Все, что мы имеем, – благодаря Господу, весь наш мир и уклад жизни – все от него...

Только потом я поняла, что своими вопросами я подвергала сомнению веру в Господа, который дал мне все, который создал меня, воспитал, подарил радость жить в молитве, иметь прекрасного мужа и красивых здоровых детей.

– В чем смысл молитвы, если она не дает мне лишний вес? – спросила я напрямую.

Батюшка пришел в ужас.

Не буду точно вспоминать, что он тогда отвечал, но смысл сводился к тому, что если Господь посылает мне испытание излишней худобой, то мне стоит принять и выдержать это испытание, усердней молясь за прощение своей грешной души. Господь мудр и никогда не пошлет человеку того, что он не заслуживает. Однако узнать, в чем провинилась моя грешная душа, за что на меня послали худобу, так и не удалось. То ли у батюшки не было ответа, то ли он стыдился об этом рассказать. Но после того памятного разговора люди стали обходить меня стороной. В округе сильно укрепился слухок, что я одержима дьяволом.

Однообразие и предсказуемость существования резали без ножа. Каждый день походил на другой. Муж узнал про слухи, которые распускали все, кому не лень, и... поверил слухам, а не мне. Отличный повод сослать жену в монастырь – она одержима дьяволом. Посоветовавшись с батюшкой, тем самым, к которому я ходила – обо всем, что происходи-

ло у меня за спиной, докладывала верная служанка, – муж, подкрепленный одобрением более высоких церковных чинов, объявил мне, что я буду сослана в монастырь. Дескать, я позорю его честное имя и расплачиваться за свои богохульные вопросы батюшке буду там.

– Если ты откажешься, то могут расстроиться браки наших детей. Ты подумала о них, когда задавала свои вопросы?

Последний довод мужа был как снег на голову. А ведь и правда...

Вроде бы я была готова отправиться в монастырь и самовольно даже выбрала этот путь, так отчего я тогда разрыдалась? Возможно, прорвались так долго копившиеся чувства, которые некуда и некому было показать. Я как сосуд, который наполнили водой до краев и наконец понесли, особо не заботясь о сохранности содержимого. Я расплескала его, и стало легче.

Монастырская жизнь обещала быть интересной. Неизвестное будущее манило и пугало. Что там в монастыре? Строгие ли порядки? Однако эти опасения отошли на второй план, ведь теперь я больше не сидела одна в горнице, не общалась со служанками и не пребывала в страхе, что муж опять не придет ко мне ночью. Да и браки детей удалось спасти, ведь приданое у дочери есть, она недурна собой и смышлена, и сын не подвел. Родители будущей жены согласились отдать свою дочь за него даже после моей ссылки: муж – че-

ловек не самый последний в Москве.

Если бы я отправилась в монастырь по доброй воле, то вначале прошла бы трехлетнее послушание – жила бы вместе с монастырскими трудницами и работала бы со всеми «во славу Божию». Так проверяли искреннее желание послушника остаться в монастыре, а заодно обучали монашеской жизни. Такой роскоши мне никто не предоставил, и иноческий постриг произошел сразу по прибытии. Новая жизнь началась одиннадцатого января, теперь меня звали Агриппина.

Поначалу, как и все новое, жизнь в монастыре, а главное, послушание (что важнее поста и молитвы), давались мне тяжело. Не привыкшая к труду, всю жизнь жившая с прислугой и двором, полным холопов, я уставала еще до обеда. Послаблений давать мне никто не собирался, а учитывая, что я трудилась в поварне, или по-современному на кухне, само такое послушание подразумевало особую тяжесть. Мало-помалу я привыкла и освоила послушничество, поддерживала келью в чистоте, выучила правила богослужений и трапез, правила общения с сестрами, а главное, с настоятельницей.

Настоятельница матушка Евдокия сразу смекнула, почему я попала в монастырь.

– Одержима дьяволом? – никогда не забуду ее удивленного лица. Она махнула рукой, перекрестилась и повела показывать келью и монастырь. – Если бы не было блудливых кобелей, монастыри пустовали бы, – с усмешкой поведала

матушка. – Но ты здесь не одинока. С тобой Господь и мы, твои сестры. – Последняя фраза была сказана с назиданием и самоуверенностью.

Что привело матушку Евдокию в монастырь, я так и не узнала, но видела, с какой заботой и любовью она мне помогала, учила, давала советы и просто вела неторопливую беседу. Это наводило на мысли о некотором сходстве наших судеб.

Я смирилась с новой жизнью и даже полюбила ее. Больше не было слез, самобичевания и страха за свою душу. На небе вновь вошло солнце. Приняв монастырский уклад и себя такой, как есть, я отправилась дальше по жизни, опираясь на крепкую руку матушки Евдокии. Постоянные хлопоты по хозяйству и молитвы, в которых я благодарила Бога за милость, которую он мне послал.

Так прошло почти шесть лет.

Правда, я часто думала о детях. Сильно хотелось повидать их, хотя бы одним глазком взглянуть...

Моя мечта сбылась, но лучше бы она не сбывалась.

Итак, 1546 год, год затмения. Все случилось летом. Одним прекрасным жарким днем, когда я с другими монашками полоскала белье в речке, что бежала неподалеку от монастыря, стало вдруг темнеть. Луна закрывала Солнце у меня на глазах. Сильно перепугавшись, я вместе с остальными бросила стирку и, забыв о белье, разложенном на берегу, побежала в монастырь, ища защиту в его каменных сте-

нах. Больше бежать было некуда. В те мгновения я, наверное, ожидала конца света. Ине я одна. Весь монастырь.

Все как один встали на колени во дворе, вытянув руки к небу, вознося молитвы Всевышнему.

Быстро темнело. Среди бела дня наступала крошечная тьма. Ад отворил врата. Воображение рисовало чертей, выпрыгивающих из черноты неба прямо к нам в монастырь.

Матушка объявила, что нам сильно повезло встретить смерть в лоне Бога, и предложила молиться не о спасении, а о благодати, которую Господь ниспослал нам, заведомо отправив всех нас в монастырь. Матушкины слова, как всегда, утешали и ободряли. Мы уверовали, что мы с Богом, а потому будем спасены.

Когда совсем стемнело, матушка предложила всем обняться на прощание и вместе принять радость встречи с Господом. Так мы и поступили – встали в круг, крепко держа друг друга за руки, и замерли в ожидании, громко воспевая хвалу Господу. Не знаю, смотрел ли кто-то на закрывающееся солнце кроме меня, но я увидела последний луч, сверкнувший на прощание. Мои глаза, полные слез, уставились в темноту, жажда увидеть хоть что-то. Молитва лилась песней. Тяжесть вдруг сковала веки, и я почувствовала, что падаю. Последнее, что явилось моему взору, был солнечный луч, явившийся из тьмы египетской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.